

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ III. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

И вновь наступающая на старые грабли: некоторые мысли по поводу российских реформ (1992 г.)	7
Реформа: скачки на верблюде (1992 г.)	12
Макроэкономическое регулирование в России: промежуточные итоги и новые возможности (1994 г.)	18
Россия — зона экономической катастрофы (1996 г.)	32
Русская рулетка (1998 г.)	42
Вместо предисловия: власть утопии	42
Глава 1. Экономика как кибернетическая система	50
Глава 2. Генерирование новой информации. Механизм социальных мутаций	59
Глава 3. Рынок и управление. Блок обратной связи.....	66
Глава 4. Чего не может рынок	72
Глава 5. Идеология и рынок. Почему невозможен социалистический способ производства.....	77
Глава 6. Стабилизационные процессы и загадка больших циклов Николая Кондратьева	88
Глава 7. Русское «авось», или Синдром выбора дестабилизационной политики	93
Глава 8. Политический Колумб.....	104
Глава 9. Экономическая программа Президента — отвергнутый шанс ускорения реформ	119
Глава 10. Тень партии над реформами.....	131
Глава 11. «500 дней» до капитализма.....	139
Глава 12. Экономические реформы — разменная карта в политической игре.....	159
Глава 13. Опыт введения экономических свобод в несвободной экономике.....	180
Глава 14. Инфляция, экономический спад и бюджетный дефицит	188
Глава 15. Рынок без денег — достижение российских реформаторов	203
Глава 16. Стабилизация национальной валюты по-русски	217
Глава 17. Экономика: состояние стартовой площадки	226
Глава 18. Создание эффективного собственника.....	232
Глава 19. Государственное стимулирование криминализации экономики	239
Глава 20. Российская интеллигенция как «партия дураков»	246

Вновь к оценке и анализу советской эры (2002 г.)	253
Управление государственными организациями в сфере науки и проблемы приватизации (2004 г.)	261
Анализ трансформации отношений собственности в переходной экономике (2004 г.)	271
Демократия и новый передел мира (2006 г.)	280
Единственный способ борьбы с пузырями — жесткое антимонопольное регулирование (2009 г.)	290
К вопросу об интеграции России в мировое сообщество при установке на модернизацию (2010 г.)	296
О новых аспектах жилищной политики в России (2010 г.)	302
В Сколково нет условий для российских Гейтсов (2010 г.)	305
Библиография опубликованных трудов академика Николая Яковлевича Петракова	314

РАЗДЕЛ III

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

И ВНОВЬ НАСТУПАЯ НА СТАРЫЕ ГРАБЛИ: НЕКОТОРЫЕ МЫСЛИ ПО ПОВОДУ РОССИЙСКИХ РЕФОРМ (1992 г.)¹

Будучи убежденным в том, что здесь написано, я все-таки колебался, прежде чем это написать. Источник колебаний не столько во мне, сколько в окружающей атмосфере. А в атмосфере витает: «Надо поддержать молодых ребят — все-таки рыночники», «команду возглавляет Ельцин, нельзя бросать тень на него», «если критиковать нынешних министров, то следующие будут хуже» и т. д. Однако это мы уже проходили. Совсем недавно Горбачёв раздражал общественность тем, что в угоду личностям приносил в жертву интересы дела. К началу 1990 г. стало очевидным, что Рыжков и его обновленная команда неспособны на энергичные и эффективные экономические реформы. Однако Президент СССР с упорством держался за своего соратника по первым шагам перестройки. А сами Рыжков и Абалкин не уставали обижаться на прессу. По их мнению, критика мешала их плодотворной работе. Но если реакция трибун мешает футболисту забивать голы, то кто должен покинуть стадион? Так стоит ли наступать несколько раз на одни и те же грабли?

Реформаторский «самотек»

Сейчас уже, на мой взгляд, очевидно, что начавшиеся реформы не были подготовлены ни методологически, ни организационно. С момента объявления политики либерализации цен стало ясно, что речь идет о государственном повышении цен с предоставлением местным государственным органам и предприятиям больших, чем ранее, прав в определении уровней цен на конкретные товары. Никакого рынка, никакой конкуренции, ибо сами по себе цены бессильны против монополии. Об этом с октября 1991 г. кричат девять из десяти экономистов

---

¹ *Петраков Н.* И вновь наступая на старые грабли: некоторые мысли по поводу российских реформ // Московские новости. 1992. № 3.

в стране и мире. Но не эту профессиональную глухоту хочу я сейчас поставить в вину молодым реформаторам. Речь о другом.

Коль скоро на 2 января 1992 г. в стране господствует государственно-колхозная форма собственности, почему руководство государства российского пустило реформу цен на самотек? Где товарные резервы? В ответ слышим объяснения в том духе, что специально заранее объявили о росте цен, чтобы производители попридержали товар и выбросили его по новым ценам. Святая наивность! Да разве можно тут рассчитывать на автоматизм? Какие могут быть запасы, скажем, у швейников, если текстильщики придерживают ткани, а у последних, в свою очередь, откуда ткани, если точно так же поступают поставщики хлопка, шерсти и т. д.?

Далее нам сообщают, что в случае чего будут открыты стратегические резервы продовольствия. Каков их объем и состав? И «в случае чего» они будут открыты? Чего еще надо ждать? И наконец, вопрос в лоб: реформа — самоцель или средство расширить производство и пополнить прилавки и те же пресловутые стратегические запасы? Выметанием всех сусеков уже занимались администраторы, чтобы продержаться у власти под лозунгами преимуществ социализма. Что, опять по кругу, но под другим флагом?

Еще нам говорят о том, что к концу января пойдет гуманитарная помощь с Запада. Во-первых, почему бы тогда не синхронизировать рост цен с этой помощью? Что за зуд такой? Тем более что первоначально объявленный срок введения новых цен — в середине декабря — все равно пропущен, а рынок этими объявлениями все равно уже дезорганизован. Во-вторых, ответственный человек из правительства России сообщает в прямом эфире ТВ, что эту помощь правительство будет продавать по коммерческим ценам. И мотивирует этот шаг заботой о пенсионерах и низкооплачиваемых. Мол, что же мы старушке будем совать банку американской тушенки, а она, может быть, вегетарианка! Мы ей лучше к пенсии десяткую другую подкинем. Она купит чего пожелает (это при пустых-то полках)...

За такого рода экспромтами, увы, просматриваются организационная несостоятельность и пренебрежение к «человеческому материалу», на котором ставится опыт. А чем иначе объяснить, что «вдруг» оказывается, что нет денег (бумажных купюр), чтобы платить зарплату, что нет системы контроля за теми ценами, которые объявлены регулируемыми, что нет антимонопольных механизмов, что мероприятия по приватизации, аграрной реформе, конверсии на месяцы отстают от развязывания ценовой вакханалии, что нет до сих пор никакого четкого, понятного плана социальной защиты малоимущих. А это последнее ох как играет на руку демагогам и бывшим партаппаратчикам, осваивающим Манежную площадь.

Будет все, как в Польше?

Реформаторы успокаивают общественное мнение ссылками на то, что существует мировой опыт выхода из экономического кризиса, в соответствии с которым они и действуют. Однако на самом деле речь идет не об обобщении и трансформации применительно к нашим условиям действительно богатого арсенала методов стабилизации экономики, применявшихся в различных странах мира

в разное время и в разных условиях, а, к сожалению, о почти механическом перенесении схемы польских реформ на нашу почву. Но как раз фетишизация польского опыта может обернуться трагедией для российской экономики.

Трудно понять, как можно игнорировать наличие как минимум трех существенных различий между предреформенной Польшей и Россией. Первое. Польша всегда имела частный сектор, охватывающий практически все сельское хозяйство, а также мелкий бизнес и сферу услуг. Либерализация цен явилась мощным стимулом роста деловой активности в этом секторе. Второе. В польской экономике никогда не существовало такого монстра, как ВПК. Военно-промышленный комплекс России не только поглощает огромное количество природных и людских ресурсов, но он требует специальных централизованных усилий и главное — времени для переориентации на рыночные формы хозяйствования. Либерализация цен и предоставление свободы действий предприятиям этого комплекса — заведомый тупик, создающий взрывоопасную ситуацию именно на первых этапах рыночных реформ. Третье. Польша в течение не менее двух десятков лет жила в условиях той самой «долларизации», которой так боятся наши реформаторы. Такому положению способствовало множество факторов, включая и многочисленную польскую диаспору за рубежом, и более либеральный облик польского социализма. Важно, что реформы Бальцеровича по укреплению золотого осуществлялись на фоне довольно широкого и легального обращения параллельной валюты. Похоже, что этот момент совсем игнорируется при решении тактических задач стабилизации потребительского рынка в нашей стране. Чего, в частности, стоят импровизации внешнеэкономического ведомства России, объявляющего то о запрете с 1 июля валютных магазинов, то об организации при каждом из них с 1 февраля (!) обменных пунктов, где каждый гражданин СНГ (?) может без ограничений менять рубли на доллары по рыночному курсу.

Подводя итог сопоставления нашей и польской ситуаций, хочу напомнить, что золотый выступал в качестве платежного средства только на территории Польши (что естественно). Но иррациональность нашей жизни как раз в том, что рублевая зона охватывает не только Россию, не только СНГ, но также Прибалтику и Грузию. Мир такого не знал. Но наши реформаторы знают, а следовательно, не имеют права не учитывать этого факта в своих моделях.

Уроки Павлова

Объективная невозможность осуществить польский вариант реформ при страстном субъективном желании это сделать привела к поразительному, но логичному результату: на деле осуществляется возведенная в куб реформа Валентина Павлова! Вспомним 2 апреля 1991 г. Сейчас все то же самое, но в несколько раз больше (включая цены, налоги, компенсационные выплаты). Да и в формулировке ближайших экономических задач рефреном звучит старый мотив: максимально использовать ценовой и налоговой факторы для снижения бюджетного дефицита. Читателю, который найдет какие-либо принципиальные отличия между этими разделами павловских и нынешних реформ, готов, не торгуясь, переслать весь гонорар за эту статью. Но раз были реформы Павлова, то и был некоторый

(пусть небольшой) опыт, изучить который не грех, прежде чем придать им новое ускорение.

А опыт этот говорит о следующем. Прибыль предприятий в результате павловского повышения цен за первые девять месяцев 1991 г. возросла в 1,8 раза, а за вычетом налогов — даже на 86 %. А вот доля расходов на развитие производства в общей сумме расходов предприятий упала с 57,5 % до 35,9 %. Иными словами, цены выросли, прибыль тоже, но не появилось ни малейшего желания расширять производство, выпускать больше товаров. Высокая цена в условиях государственного монополизма угнетает (а не оживляет) инвестиционную активность.

Вот вам первый урок Павлова. Урок второй: за тот же период расходы предприятий из прибыли на прирост потребления, выплаты дивидендов по акциям, а также создание собственных финансовых резервов увеличились с 59,7 миллиардов до 154, 2 миллиардов рублей.

Теперь наложите эти тенденции, этот опыт, приобретенный нами благодаря экспериментам кабинета Павлова, на размах российских реформ, и вы без труда поймете, что нас ожидает в ближайшей перспективе. Какой чудак будет вкладывать средства в развитие производства при бешеном обесценении рубля? Логичнее взвинтить цены и всю разницу пустить на прирост зарплаты. И эта железная логика будет проводиться в жизнь неумолимо. Где же механизмы оживления хозяйственной активности, во имя которой всем предлагают затянуть пояса?

Похоже, в правительстве и парламенте России спохватились. Поговаривают о том, что надо бы снять налог с той части прибыли, которая направляется на инвестиции. Но где же реформаторы были раньше? Ведь этот прием относится к числу азбучных истин! Другое дело, что при надвигающемся крахе денежной системы и эта мера может оказаться уже недостаточной.

Макрорегулирование: о чем речь?

Правительство утверждает, что свою задачу оно видит, прежде всего, в обеспечении экономического макрорегулирования. С этим трудно не согласиться. Но именно в этой области вырисовываются явные черты нарастающей неуправляемости. И дело здесь не только в крайней расхлябанности вертикальных структур управления. Зачастую просто непонятна правительственная концепция. Скажем, денежная политика. Безусловно, это область макрорегулирования. Но политики-то никакой нет. Что собирается укреплять правительство России? Рубль. Рубль где? В Прибалтике и на Украине тоже? А знают ли на Старой площади, как к этим намерениям относятся в этих странах? Ведь беловежская договоренность о едином рублевом пространстве (по крайней мере до конца 1992 г.) открыто саботируется.

Далее. Госбанк СССР ликвидирован. Будет ли межбанковский союз? Как долго Госбанк России будет снабжать деньгами другие независимые государства? И вообще, будет ли правительство России предпринимать усилия по созданию единого экономического пространства СНГ или на этой идее поставлен крест?

Ну и, наконец, структурная политика. Это тоже область макрорегулирования. Ленин, провозгласив нэп, одновременно принял к осуществлению и план

ГОЭЛРО. Политика государственного регулирования инвестиционного процесса на макроуровне осуществлялась всеми крупными капиталистическими странами после Второй мировой войны. И это никак не мешало их рыночной ориентации. Совершенно справедливо ликвидируя отраслевые министерства, нельзя пускать на самотек проблемы энергетики, создания мощного экспортного сектора, конверсии, финансирования фундаментальной науки. Гибкий механизм экономических преференций необходим именно для того, чтобы переориентировать самодскую коммунистическую экономику на нужды населения.

В свое время наше государство разрушило рынок, теперь его обязанность перед обществом — сделать все для его восстановления. Нельзя говорить ограбленному народу: а теперь живите как хотите, выкручивайтесь сами, а наше дело — бездефицитный государственный бюджет...

РЕФОРМА: СКАЧКИ НА ВЕРБЛЮДЕ (1992 г.)¹

В одной из своих работ В. Ленин, цитировать которого ныне избегают, выдвинул тезис: политика есть концентрированное выражение экономики. Большевику номер один следовало бы добавить: только не для нас. Вся история господства коммунистических партий есть история насилия над экономикой.

Наблюдая за развитием событий в посткоммунистических странах, с сожалением можно констатировать, что как во внутренней их жизни, так и в международных отношениях экономика продолжает быть разменной монетой в политических играх.

Экономика — это теория и практика созидания. Вот почему она никогда не была в фаворе у большевиков — генетических разрушителей. Не выправится экономика — будет большевизм, диктатура, будет политика как концентрированное выражение интересов партюкратии. Вот почему сейчас важен нелицеприятный разговор об экономических реформах, разговор без априорных вопросов типа: «А за кого ты?» К сожалению, уже задолго до VI съезда и особенно после стало очевидным, что любые попытки вести нормальную дискуссию довольно жестко пресекаются путем наклеивания политических ярлыков, обвинений в некомпетентности, а то и просто окриков «Молчать!»; как это было в иных откликах, в которых пытались как-то смазать сильное впечатление и общественный резонанс от анализа группы Г. Явлинского. А одна из крупных фигур демократического движения высказалась в «Независимой газете» вообще в том духе, что несвоевременно говорить «горькую правду» об экономике в «нынешней политической ситуации».

Думаю, что правда не может быть несвоевременной так же, как не может быть «осетрины не первой свежести». Как только появляется соблазн лжи во спасение, правды для избранных или для всех, но в нужное (кому?) время — всё! Мышеловка необольшевизма захлопнулась — и вы в ней, даже если усиленно

---

¹ *Петраков Н.* Реформа: скачки на верблюде // Московские новости. 1992. № 28.

требуете суда над КПСС. Говорить полуправду или верить в чудеса оказывается себе дороже. И это мы видим по первым шагам экономической реформы.

С самого начала пути и методы ее проведения были мифологизированы. На фоне долгих дискуссий о том, как же с наименьшими потерями перейти к рынку, пришли решительные люди и заявили: мы будем лечить от административно-командной системы, будет больно, но терпите. Истомившееся по переменам общество согласилось — давайте. И эта вера во врачей-кудесников так заорожила демократически настроенную часть общественности, что, когда стало действительно нестерпимо больно, она стала обвинять сначала красно-коричневых, потом учителей, врачей, пенсионеров, директоров предприятий, фермеров и предпринимателей в сгущении красок. И никто не задался вопросом: а может быть, не лечат, а насилуют?

Где признаки или хотя бы намек на признаки выздоровления, формирования цивилизованного рынка?

Рассмотреть подоплеку некоторых из мифов нынешней экономической политики представляется сегодня крайне актуальным в связи с тем, что они продолжают сохранять роль несущей конструкции и в обнародованной недавно «среднесрочной программе правительства».

Быстрая ликвидация бюджетного дефицита

Еще Л. Брежнев говаривал: мол, строить, как и жить, надо по средствам. Мы почти всегда и строили, и жили не по средствам. Расходы превышали доходы, что заставляло государство делать долги. И не только на Западе. Залезали и в карман населения... Логика реформаторов проста: сократить расходы, увеличить доходы и начать жить, как завещал Брежнев, по средствам. И все это за три — максимум шесть месяцев.

В этих безукоризненных построениях упущена малость — реальный облик нашей экономики и нашего бюджета. Эти два близнеца уродливы, как двугорбый верблюд. Один горб — гипертрофированно развитый военно-промышленный комплекс; другой — несоответствующие возможностям страны общественные фонды потребления, включая бесплатное здравоохранение, образование, когда-то низкие цены на детскую одежду и т. д. Хирургически срезать эти горбы невозможно.

Можно и нужно сокращать военно-промышленный комплекс, проводить конверсию. Но при самом интенсивном развитии этого процесса счет не может идти на недели и месяцы. И это объективно определяется технологическими и социальными факторами, а не кознями консерваторов. Последним как раз на руку кавалерийские наскоки реформаторов, их легковесность в рецептах решения проблемы. Бюджет будет еще долго обременен расходами на конверсию, на структурную перестройку, на социальную поддержку увольняемых в запас офицеров, на переподготовку рабочей силы и пособия по безработице. Наивно думать, что все эти стартовые расходы по демилитаризации покроет сам военно-промышленный комплекс за счет «внутренних источников».

Примерно так же обстоит дело и с другим горбом — финансированием так называемых бюджетных отраслей и социальной сферы в целом. О проблемах этой сферы пролито много слез и в залах заседаний высших руководящих

органов страны, и на страницах газет. Поэтому ограничусь лишь одним фактом. Как бы ни реформировалась эта сфера, еще долгие годы бюджет будет нести весомую нагрузку по финансированию разнообразных социальных программ. Тщетно надеяться, что с помощью страховой медицины, частных пенсионных фондов и т. п. бюджет может легко сбросить этот горб расходов.

Таким образом, наша экономическая система была обречена на то, чтобы на первоначальном этапе реформ (два-три года) жить в условиях бюджетного дефицита, а следовательно, инфляции, поскольку превышение расходов над доходами государство может покрыть либо долговыми обязательствами, либо денежной эмиссией. Речь могла идти лишь о том, чтобы процесс перевести в форму управляемой и по возможности умеренной инфляции. Попытка с помощью «дефляционного шока» превратить верблюда в арабского скакуна или хотя бы в лошадь Пржевальского была изначально авантюристской. Но тут из подсознания всплыло: «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью...» И побыстрее. Но что можно сделать быстро? Ликвидировать «верблюжест» бюджета быстро нельзя, структурную перестройку народного хозяйства — тоже, приватизация, как видим, оказалась трудным орешком. Единственное, что можно сделать быстро, — это залезть в карман населения. По официальным данным, индекс реальных доходов занятых в материальной сфере составил в июне 1992 г. по отношению к ноябрю 1991 г. 56,3 %, а у пенсионеров — 44,6 %. Вот реальный «сухой остаток» после взрыва гремучей смеси под названием «шокотерапия».

Другим результатом явилось ускорение спада производства. И не вообще, а по товарам первой необходимости: продовольствие — 28 %, в том числе мясо-молочная продукция — 34 %.

Стремясь сократить всеми силами платежеспособный спрос, правительство ударило по тем, кто формирует предложение, — по производителям товаров. В результате вместо обещанного изобилия, но по очень высоким ценам — следующая картина. Госкомитет России регулярно регистрирует в 132 городах наличие в продаже товаров (наблюдение ведется по 70 товарам). И вот в один из обычных июньских дней зарегистрирована следующая типичная картина: в продаже отсутствовала говядина в 31 городе, рыбные консервы — в 94, пшеничный хлеб из муки высшего сорта — в 62, овсяная крупа — в 110, макароны — в 92, творог — в 59 и т. д. Как говорится, приехали.

Укрепление рубля

«Смотрите-ка, — говорят нам со Старой площади, — раньше рубль никого не интересовал, а сейчас за ним все бегают». Рубль твердеет — подхватывают иные журналисты... Но каким же это волшебным образом в стране с бодро растущими ценами, т. е. падающей покупательной способностью национальной валюты, и печально поникшей кривой производства может повышаться курс рубля?

...При Рыжкове—Павлове денег было много, сделаем, чтобы их было мало, — вот еще одно простое решение реформаторов. Но простота бывает хуже воровства. Так называемый кризис с наличностью создан искусственно. Это не техническая проблема. Если бы она была такой, т. е. десяток способов разрешить ее за месяц, а в распоряжении правительства было время с ноября. Именно тогда

руководители Госбанка предупреждали, что если ничего не делать, то весной могут возникнуть денежные бунты... Знали, но не хотели. Ведь это же арифметика. Во всех экономических учебниках от марксистских до кейнсианских и неоллиберальных содержится формула количества бумажных денег, необходимых для обращения, для обеспечения бесперебойных платежей, обслуживания товарооборота... Людям не платят заработанные деньги, предприятия лишают оборотных средств и накоплений, — и это выдается за политику укрепления рубля.

В мае задержки зарплаты, пенсий, пособий составили 78,5 миллиардов рублей при общем объеме выплат населению 272,3 миллиардов рублей. В результате де-факто население в мае получило на руки денег меньше, чем в апреле. И это под аккомпанемент заявлений высоких правительственных чиновников об «упреждающем» повышении зарплаты работникам бюджетных организаций и пенсий во втором квартале. На поверку речь идет о самой нецивилизованной, юридически незаконной форме замораживания доходов населения.

В этой ситуации, конечно, все бегает за рублем, но для того, чтобы от него скорее и освободиться. Это никакие не «твердые» деньги, никак не СКВ, которые лелеют и прячут на груди или еще где-нибудь.

Кстати, об СКВ и конвертируемости рубля. Здесь, похоже, правительство заморочило голову не только обывателю и экспертам из МВФ, но и самому себе. Прежде чем с серьезным видом спорить, каким должен быть рыночный курс рубля: 125,26 или 126,25 — единым, плавающим, фиксированным, зададимся вопросом: а был ли мальчик? Т. е. может ли существовать рыночный курс любой валюты без валютного рынка? Нет. А есть ли у нас валютный рынок? Нет. Есть валютный аукцион, который представляет собой разновидность циркового аттракциона. На манеже выступают несколько продавцов и покупателей валюты (так называемых, поскольку, чтобы попасть в ту или иную команду, надо соответствовать целому ряду жестких требований) и Центральный банк России. На продажу выставляется микроскопическая с точки зрения валютного оборота страны сумма (от 10 до 50 млн долл.). Если бы на этот аукцион был допущен западный банкир или промышленник средней руки, но с чувством юмора, он смеха ради мог бы скупить весь этот аттракцион-аукцион или установить путем небольшой валютной интервенции любой на спор задуманный курс рубля в диапазоне от 1:1 до 1:300. Но то же самое, между прочим, при желании могут сделать и г-н Матюхин, и кое-кто из новых российских коммерческих структур. Главное, что каким бы ни установился валютный курс рубля на этих игрушечных торгах, он никак не будет связан с реальной экономической ситуацией в стране, и поэтому он не играет роли одного из барометров, как это имеет место во всем мире.

Непонимание этой очевидности приобретает у правительства прямо-таки комические формы. Мы не можем терпеть, восклицает один из высоких государственных чиновников, чтобы цена на нефть на нашем внутреннем рынке составляла 3% от мировой! Секрет получения этой цифры прост: мировая цена умножается на 146 или 125,26 и соотносится с действующей рублевой ценой. Помните, а вы можете терпеть вычисленную по той же методе 15–20-долларовую среднемесячную зарплату? А знают ли в правительстве, что свободная рублевая цена на нефтяной бирже в России дает курс доллара 1:30, 1:40?

Аукционный курс ведет свое происхождение от курса черного рынка. Он до сих пор де-факто формируется по экзотической товарной корзине, куда входят персональные компьютеры, видеомэгафоны, телевизоры, женская косметика. Соотношение мировых и внутренних цен на эти товары и диктует курс рубля к доллару. Проецировать его на всю экономику нелепо теоретически и убийственно практически.

Интенсивное формирование свободного рынка

Вспомним, что расцвет Сухаревки был в период военного коммунизма. Толкучки получили широкое распространение и в годы Великой Отечественной, когда господствовала карточная система. Толкучка — это агония рынка, а не его «буревестник». Отсутствие цивилизованной рыночной инфраструктуры и катастрофическое состояние денежного обращения — питательная среда для «комков», перекупщиков, рэкета.

Правительство демонстративно не желает оказывать реальную поддержку формированию бирж, коммерческих банков, мелкого и среднего бизнеса, фермерства. Наоборот, курс на либерализацию больше всего ударил по нарождающемуся частному сектору, что особенно просматривается в сельском хозяйстве.

Искусственное ограничение платежных средств убивает рынок. За красивым словом «бартер» скрываются вынужденная натурализация обмена, господство примитивных хозяйственных связей, произвол чиновника, диктат производителя.

Стремление любой ценой к бездефицитному бюджету без оговорок и комментариев выдается за несомненный шаг к рыночной экономике. В этой связи напомним, что во времена Сталина (1948—1953 гг.) и еще некоторое время спустя государственные доходы устойчиво превышали расходы. Но не было ни развитой рыночной экономики, ни демократии. Коммунистический диктатор знал, как обеспечить бездефицитность бюджета: десятки миллионов работали за эковскую пайку или за «трудодень».

Делается все, чтоб страна не скатилась к гиперинфляции

Этот тезис стал мощным оружием в политической борьбе. Любые поползновения со стороны парламентариев, профсоюзов, предпринимателей увеличить расходы на социальные нужды или снизить налоги с целью оживления производства и установления цен, соответствующих платежеспособности потребителей, пресекаются одним аргументом: вы толкаете экономику к гиперинфляции. Это — магическое заклинание. Никто толком даже в правительстве не знает, чем отличается высокий темп инфляции от «гипер». Но все интуитивно понимают, что эта «гипер» — совсем плохо.

Смею утверждать, что поскольку ни один из факторов, генерирующих инфляционные процессы, не был снят за первые полгода реформ, гиперинфляция ждет нас в ближайшие месяцы. Если депутаты российского парламента перестанут давить на правительство и дадут ему «карт-бланш», они осенью убедятся, что правительство само ввергнет страну в состояние гиперинфляции. Фактически она уже состоялась. Однако игры в «кризис наличности», в подмену индекса цен

индексом средней цены продаж, во взаимные неплатежи предприятий до поры до времени позволяют изобразить гиперинфляцию в виде «умеренной инфляции»... Однако экономика не воск и не пластилин, а скорее стальная пружина, сдавленная ныне до предела. Это понимают и в правительстве. Уже объявлено о выделении 500 миллиардов рублей для развязывания узла неплатежей в промышленности. Дотации и кредиты сельскому хозяйству пока окончательно не определены, но ясно, что порядок цифр будет близким.

Становится очевидным, что в ближайшие месяцы старательно маскируемая гиперинфляция перейдет в открытую форму. Скрывать очевидное у правительства больше нет возможностей, если, конечно, из их числа исключить курс на полное обнищание, разрушение систем жизнеобеспечения, паралич производства.

К счастью, судя по тексту среднесрочной программы правительства, оно такой вариант отвергает, а это значит, что гиперинфляция, заложенная в первые месяцы реформы, будет сопровождать нас и дальше.

***

Перечень мифов нынешней экономической реформы можно было бы продолжить. Но об одном мифе мне все-таки хочется упомянуть отдельно. Это миф о безальтернативности избранного правительством пути реформ.

Ни одна высокоразвитая страна никогда не шла по схеме, разработанной экспертами МВФ для стран так называемого третьего мира. Вспомним Великую депрессию 1929–1934 гг. и опыт США, возродивших свою экономику и сохранивших при этом демократические традиции. Или послевоенную Германию, Италию, Японию. Да, надо признать, что мы проиграли бескровную третью мировую войну, мы не выдержали противостояния в гонке вооружений, загнали свою экономику в тяжелейший кризис. В результате по уровню потребления мы — в числе развивающихся стран. Но по производственной структуре — сверхдержава. То, что было нашей гордостью, оказалось нашей трагедией. Мы обязательно возродимся как страна, занимающая достойное место в мировой экономике и политике. Но не по чилийско-мексиканско-польской схеме. Нам, безусловно, нужна поддержка мирового сообщества, но, думаю, что 24 миллиарда долларов и гуманитарная помощь здесь не главное. Есть и другие варианты. Но правительственные идеологи страдают комплексом самодостаточности. Самое большее, на что они согласны, — это вежливо выслушать предложения своих оппонентов и, не вдаваясь в дискуссии, идти своим путем. Хотелось бы ошибиться, но боюсь, что через некоторое время может появиться потребность не в альтернативной программе перехода к рынку, а в программе выживания в условиях полной деградации национальной экономики.

МАКРОЭКОНОМИЧЕСКОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В РОССИИ: ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ ИТОГИ И НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ (1994 г.)¹

Анализ общей экономической ситуации в России к середине 1994 г.

Два с половиной года энергичных экономических реформ прошли под знаком балансирования между высокими темпами инфляции, с одной стороны, и критическими масштабами падения производства, — с другой. Эту дилемму каждый по-своему пытались разрешить и Гайдар, и Фёдоров, и Черномырдин. Путь, который прошли Гайдар и Фёдоров, уже неоднократно анализировался и ими самими, и другими экономистами. Поэтому в этой части доклада мы хотим сконцентрироваться на успехах и неудачах правительственной команды Черномырдина.

Первое полугодие 1994 г., а точнее февраль—июнь были отмечены впечатляющими успехами в борьбе с инфляцией. Среднемесячный темп инфляции удалось сократить сначала в два, а затем в четыре раза по сравнению с 1993 г. и январем 1994 г. (табл. 1).

Таблица 1
Индекс инфляции в %

	1994 год					
	январь	февраль	март	апрель	май	июнь
Индекс инфляции: к декабрю 1993 г.	122	134	145,8	159,9	173	181,2
к предыдущему месяцу	122	109,4	106,2	106,9	108,2	104,6

¹ Доклад, прочитанный на конференции Международного валютного фонда. Москва, 18—19 октября 1994 г. Основные идеи доклада опубликованы в журнале «Обозреватель» (1995. № 5. С. 24—26).

Такого результата правительству В. Черномырдина удалось добиться в первую очередь за счет дополнительного ужесточения финансовой и денежно-кредитной политики. Если в 1993 г. денежная масса росла в среднем на 15 % в месяц, то в первом полугодии лишь на 7–9 % в месяц. Столь неожиданный для многих аналитиков эффект был достигнут в итоге политического маневра премьер-министра. Напомню, что перед своим уходом из правительства Гайдар и Фёдоров предрекли срыв в гиперинфляцию (30–40 % темп ежемесячной инфляции). Однако, освободившись от молодых реформаторов, Черномырдин встал на позицию, что его правительство не несет ответственности по их «долгам» промышленности и аграрному сектору. Кроме того, правительство встало на путь невыполнения своих бюджетных обязательств по таким секторам, как финансирование системы здравоохранения, образования, науки, мотивируя это сокращением поступления налогов в федеральный бюджет из-за спада производства.

Продолжающийся спад производства — характерная черта нынешней экономической ситуации в России. К середине 1994 г. объем промышленного производства составил примерно 51 % от уровня декабря 1991 г. Общая динамика спада промышленного производства за 18 месяцев характеризуется данными, приводимыми в таблице 2.

Таблица 2

Динамика объема промышленного производства по основным отраслям промышленности в 1993–1994 гг. в % к январю 1993 г. (в постоянных ценах 1992 г.)

	Вся промышленность	Топливо-сырьевые отрасли	Перерабатывающие отрасли
1993 г.			
январь	100	100	100
февраль	100,8	93,5	108,8
март	112,4	101,9	123,8
апрель	103,1	92,4	114,8
май	97,2	93,1	101,8
июнь	94,9	88,6	101,8
июль	89,6	86,7	92,6
август	89,3	85,7	93,2
сентябрь	90,6	84,8	97
октябрь	91,2	88,1	94,6
ноябрь	88	87,8	88,3
декабрь	87,3	90,7	83,6
1994 г.			
январь	75,6	87,6	62,5
февраль	73,5	78,9	67,5
март	80,7	84,8	76,2
апрель	74,4	79,2	69,1
май	68,6	76,1	60,4
июнь	70,1	74,2	65,7

Как свидетельствуют приведенные данные, наиболее серьезный спад производства наблюдается в перерабатывающих отраслях. К этому следует добавить, что среди перерабатывающих отраслей аутсайдерами являются высокотехнологичное машиностроение, пищевая и легкая промышленность. Российские экономисты много дискутируют по поводу факторов, определяющих затяжной спад производства. Нам представляется, что наибольшего доверия заслуживает анализ, проведенный специалистами Министерства экономики Российской Федерации. По их мнению, существует четыре главных причины непрекращающегося спада производства:

1) сокращение оборонного заказа и оборонных расходов более чем на 70 % обусловило (с учетом сопряженных отраслей) 25 % всего абсолютного снижения промышленного производства;

2) сокращение государственной инвестиционной программы; так, общее уменьшение капитальных вложений в экономику на 65 % за два с половиной года резко сократило спрос на инвестиционные ресурсы, что определило еще 15 % абсолютного размера уменьшения промышленного производства;

3) уменьшение поставок в страны СНГ нефти, газа и других сырьевых ресурсов из России, а также сокращение внутреннего платежеспособного спроса на эти ресурсы внутри России обусловили около 20 % общего снижения промышленного производства;

4) еще 15 % спада промышленного производства вызвано сокращением платежеспособного спроса населения.

Остальная четверть всего объема сокращения производства определяется более мелкими факторами, среди которых медленная адаптация предприятий к рыночным условиям, несовершенство хозяйственного законодательства, слабое развитие рыночной инфраструктуры и т. д.

Продолжающееся падение производства делает все более реальной угрозу массовой безработицы. Пока общая численность «официальных безработных» (зарегистрированных службой занятости) немногим больше одного миллиона человек. Однако необычайно быстро растет латентная безработица (неполный рабочий день или неделя, оплата по минимальным ставкам). Ее размеры оцениваются в 7,5 миллионов человек, что составляет 10 % экономически активного населения. Это поистине дамоклов меч, нависший не только над экономикой, но над политической элитой.

Еще одной чрезвычайно важной характеристикой нынешней ситуации в России является беспрецедентный в ее истории спад инвестиционной активности. Мы уже отмечали выше, что за два с половиной года объем инвестиций сократился на 65 %. Эта тенденция сохранилась в полной мере и в 1994 г. В первом полугодии на строительство объектов производственной сферы было направлено 19,5 триллионов рублей, что на 36 % меньше, чем за соответствующий период 1993 г. В результате доля инвестиций в валовом внутреннем продукте упала в 1994 г. до 11,8% против 15,5% в 1993 г. Полностью провалена федеральная инвестиционная программа. В ней правительство выделило 450 приоритетных инвестиционных проектов, которые должны были быть реализованы в 1994 г. К середине года реализовано только три проекта. Мы специально обращаем внимание на этот факт, поскольку он

свидетельствует о беспомощности правительства в сфере проведения активной государственной политики реструктуризации экономики, приспособления ее к требованиям рынка. Расчет на частных и иностранных инвесторов не оправдался. Это объясняется в первом случае высокими ставками налогообложения прибыли и фактическим прекращением выдачи долгосрочных инвестиционных кредитов, а во втором — политической нестабильностью, отсутствием четких юридических рамок.

Таким образом, общая экономическая ситуация в России к середине 1994 г. характеризовалась тремя главными параметрами:

- снижением темпов инфляции;
- продолжением спада производства во всех отраслях;
- усилением инвестиционной апатии в производственной сфере.

Безусловно, это лишь основные характеристики, но именно такие, от соотношения которых в ближайшем будущем будет, на наш взгляд, зависеть развитие событий как в экономической, так и в политической жизни России. В этом смысле я выступаю оппонентом тем экономистам и политикам, которые считают, что решающими силами давления на изменение экономической политики являются угроза массовой безработицы, обнищание населения, экономическая преступность и коррупция. Конечно, все это очень значительные фрагменты российской действительности, но они либо вторичны по отношению к перечисленным мною несколько выше, либо не могут стать решающими в силу традиций и условий России.

Что же касается триады: инфляция, спад производства, инвестиционная активность, — то здесь правительство Черномырдина встало вплотную перед главной проблемой перехода от тоталитарной экономики к рыночной. Проблема эта состоит в том, что тоталитарная экономика принципиально отличается от рыночной как институционально, так и структурно. Макроэкономический монетаризм выработал систему практических приемов для лечения больной рыночной экономики. Т. е. имеется в виду лечение экономики, которая в основе своей рыночная. Поэтому монетаристские рецепты вполне подходили (с определенными оговорками), может быть, для Боливии, Мексики и даже Польши, где частный сектор всегда играл значительную роль. Но в России задача с самого начала формулировалась по-иному: речь шла не о том, как лечить больной рынок, а как создать рынок из его антипода.

Если от этого философско-концептуального тезиса перекинуть мостик к прагматизму текущей экономической политики, то проблема может быть сформулирована следующим образом: можно ли надеяться, что успехи правительства России в борьбе с инфляцией в первой половине 1994 г. являются прологом окончания экономического кризиса и наступления столь долгожданной стабилизации?

Чтобы правильно, ответить на этот вопрос, надо четко представлять себе природу российской инфляции. Большевистская экономика всегда была инфляционной потому, что она была антирыночной. Производитель работал не на потребителя, а на доктринерские, идеологические и геополитические амбиции коммунистической элиты. Природа инфляции в России определяется не текущими ошибками денежно-финансовой политики, а глубокой структурной

диспропорциональностью производственного потенциала. К глобальным структурным деформациям, оставшимся в наследство от тоталитарного режима, следует отнести:

- а) низкий удельный вес потребительского сектора в общем объеме производства,
- б) гипертрофию военно-промышленного комплекса,
- в) высокую долю сырьевых отраслей в общем объеме производства,
- г) высокую ресурсоемкость конечного продукта из-за отсутствия современных технологий в перерабатывающих отраслях промышленности,
- д) примитивность и неразвитость экспортного сектора экономики.

Следует подчеркнуть, что все эти болезни начали интенсивно развиваться с начала 1930-х гг., в тот самый момент, когда была провозглашена программа большевистской индустриализации России — программа сталинского большого скачка и тотальной милитаризации экономики.

Доставшаяся в наследство от коммунистов структурная деформированность российской экономики является долговременным генератором инфляционных процессов. Поэтому действительно эффективная программа борьбы с инфляцией в России — это программа глубокой реструктуризации экономики.

Что сделано в этой области за два с половиной года? Ответ «ничего» — слишком оптимистичен. По каждой из пяти вышеперечисленных деформаций посткоммунистические правительства ухудшали ситуацию:

1. За первое полугодие 1994 г. производство потребительских товаров сократилось на 25 % и составляет примерно 40–45% от уровня 1991 г.

2. Хотя объемы производства предприятий оборонной промышленности в целом сократились почти на 70 %, программа конверсии не реализуется. Более того, выпуск гражданской продукции, которая традиционно производилась на оборонных предприятиях, сокращается более высокими темпами, чем выпуск вооружений.

3. Из-за неравномерного спада производства в отраслях добывающей и перерабатывающей промышленности (см. табл. 2) доля сырьевых отраслей в общем объеме производства значительно возросла.

4. Технологическая отсталость перерабатывающих отраслей промышленности резко возросла. Парк оборудования не обновляется из-за инфляционного обесценения амортизационных фондов. В машиностроении уже 60 % оборудования имеет износ выше нормативных сроков.

5. Структура российского экспорта сохраняет сырьевую направленность. Более 50 % всего экспорта приходится на топливно-энергетические ресурсы, 25 % — на металлы и алмазы. В то же время доля машин и оборудования составляет 5 %.

На фоне этих «достижений» структурной политики весьма трудно сделать вывод об устойчивости наметившейся тенденции к снижению темпов инфляции. Кроме того, достигнутые темпы (6–10 % в месяц), конечно, выглядят успехом по сравнению с 1992–1993 гг. (15–20 % в месяц), но они слишком велики для частных инвесторов. А государственная программа реструктуризации экономики России, как отмечалось выше, отсутствует.

Монетарная и бюджетная политика

В течение 1992–1993 гг. произошел распад так называемой рублевой зоны. Появление республиканских валют стимулировало экспансию рубля обратно в Россию, рост цен в России, частичную дезорганизацию торговли в приграничных областях, введение ограничений, разрушающих даже те хозяйственные связи, эффективность которых не вызвала сомнений. Как бы ни оценивать экономические последствия распада рублевой зоны, следует констатировать реальность этого феномена, а также его историческую уникальность, поскольку сохраняющаяся прозрачность границ в рамках СНГ создавала беспрецедентные возможности для миграции рублевой массы по всем республикам бывшего СССР. Несмотря на высокие темпы эмиссии рублей¹, национальные валюты республик бывшего СССР (за исключением Прибалтики) выглядят настолько убого, обесцениваются такими катастрофически высокими темпами, что на их фоне мягкий российский рубль выглядит для них спасительным якорем в море собственной гиперинфляции. Обратив внимание читателя на это обстоятельство, мы позволим себе вернуться к узко российским проблемам. Представление об объеме и структуре денежной массы дают данные таблицы 3.

Таблица 3

Объем и структура совокупной денежной массы в 1993 г. и первом полугодии 1994 г.

	1993 г.	1-е полугодие 1994 г.
Денежный агрегат М3:		
– в миллиардах рублей	36740,6	58259,9
– в %	100	100
Сертификаты и облигации Государственного займа (в % к М3)	0,1	0,1
Денежный агрегат М2 (в %),	99,9	99,9
в том числе:		
срочные депозиты населения в сберегательных банках (в % М3)	5,6	6,5
Денежный агрегат М1 (в % М3),	94,4	93,5
в том числе:		
средства на текущих счетах юр. и физ. лиц (в % к М3)	41,6	40,1
Депозиты населения и предприятий в коммерческих банках (в % М3)	11,4	13,7
Депозиты населения в сберегательных банках до востребования (в % М3)	5,1	5,1
Средства системы Государственного страхования (в % М3)	0,1	0,1
Денежный агрегат М0 — наличные деньги (в % М3)	36,2	34,4

¹ Эмиссия наличных денег составила в 1991 г. 26, 6 млрд руб., в 1992 г. — 1512,9 млрд руб., в 1993 г. — 11040,4 млрд руб.)

Характерной чертой денежного обращения в современной России является фактическое наличие двух параллельных валют. Причем рубль используется как средство для текущих платежей, а доллар (частично немецкая марка) — как средство сбережений. Обращение свободных рублевых средств в валюту население рассматривает как более надежный вид сбережений, нежели помещение их в российские банки или ценные бумаги. По данным Центрального банка России за первые три месяца 1994 г. от продажи частным лицам за наличный расчет иностранной валюты поступило в кассы банков 6300 миллиардов рублей, что составило 11,6 % по отношению к денежным доходам населения. За первые три месяца 1993 г. эта величина равнялась лишь 1,9 %. Такой интерес к иностранной валюте объясняется двумя факторами. Во-первых, возросла прослойка населения, доходы которой устойчиво превышают текущие расходы, а во-вторых, темп инфляции, наконец, приблизительно сравнялся с темпом официальной котировки рубля и доллара. Последний момент заслуживает особого рассмотрения.

Существенным достижением Е. Гайдара в области монетарной политики явилось официальное объявление рыночного курса рубля по отношению к СКВ, свободный обмен рублей на СКВ практически для всех юридических и физических лиц и превращение рыночного (аукционного) курса рубля в официальный курс в расчетах по всем видам сделок.

В то же время своеобразие ситуации состоит в том, что признание Центральным банком России рыночного курса рубля в качестве официального происходит в условиях отсутствия развитого валютного рынка. Это порождает целый ряд парадоксов, негативно сказывающихся на экономике страны и позволяющих проводить различного рода манипуляции с валютой.

В условиях неразвитости валютного рынка фундаментальные курсообразующие факторы — такие, как динамика цен на внутреннем рынке и изменение паритета покупательной способности национальной валюты, денежная эмиссия, сальдо платежного и торгового баланса — отступают в тень. А на первый план выходят относительно поверхностные факторы: объем выставленной на торги валюты, количество участников, допущенных к торгам, мнение руководства Центрального банка о целесообразности валютной интервенции на торгах, текущие инфляционные ожидания и т. п. В результате этого в отличие от мировой практики рыночный курс рубля в российской экономике не является сколь-нибудь надежным индикатором состояния денежной системы. Правительство может манипулировать курсом рубля в зависимости от пристрастия к тем или иным фетишам провозглашенного экономического курса.

Так, например, в 1993 г. в Министерстве финансов России сложилось своеобразное понимание устойчивости национальной валюты. Она трактовалась как стабилизация обменного курса рубля, а не как стабилизация покупательной способности рубля на внутреннем рынке. Исходя из этой концепции, Центральный банк под давлением Министерства финансов в течение нескольких месяцев 1993 г. осуществлял крупные валютные инъекции на валютных торгах, искусственно завышал предложение долларов и сбивал его курс. Так, начиная с апреля 1993 г., доля интервенций Центрального банка в общем объеме продаж иностранной валюты достигла 46 %. В результате индекс инфляции в июле—декабре 1993 г. резко разошелся с индексом валютных котировок, и Россия в считанные месяцы превратилась из

одной из самых дешевых стран цивилизованного мира в самую дорогую. По международным сопоставлениям по дороговизне Москва вышла на третье место в мире (после Токио и Осаки). После ухода в отставку Б. Фёдорова тактика поведения правительства и Центрального банка на валютном рынке претерпела существенные изменения. В первом полугодии 1994 г. темп падения курса рубля вплотную сблизился с темпом инфляции. Вышесказанное иллюстрирует таблица 4.

Таблица 4

Индекс инфляции и изменение курса доллара в 1993 г. и первом полугодии 1994 г.

	Динамика средних показателей торгов на Московской межбанковской валютной бирже		Индекс инфляции	
	в % к январю 1993 года	в % к предыдущему месяцу	в % к январю 1993 года	в % к предыдущему месяцу
1993 г.				
февраль	116,5	116,5	129	129
март	135,7	116,5	151	117
апрель	156,6	115,4	176	116,5
май	186,5	119	210	119,3
июнь	220,4	118,2	247	117,6
июль	208,5	94,6	294	119
август	201,6	96,7	380	129,2
сентябрь	220,2	109,2	459	120,8
октябрь	242,9	110,3	547	119,2
ноябрь	244,5	100,8	640	117
декабрь	253,5	103,7	713	111,4
1994 г.				
январь	292,2	115,2	869,8	122
февраль	324,1	110,9	951,6	109,4
март	351,5	108,4	1010,6	106,2
апрель	364	103,5	1080,3	106,9
май	383,8	105,5	1168,9	108,2
июнь	396,3	103,2	1222,7	104,6

Для чего Б. Фёдорову и Центральному банку была нужна игра на понижение курса доллара — предмет особого исследования. На наш взгляд, очевидные минусы такой политики намного превосходят гипотетические плюсы. Во всяком случае, эта игра обошлась России в сумму, измеряемую миллиардами долларов. Здесь же мы хотели отметить лишь одно: в России есть рыночный курс рубля, но нет реального конкурентного валютного рынка. Таков один из парадоксов российской экономики.

Бюджетная политика правительства России в 1994 г. находилась под определяющим давлением проблем, связанных с формированием доходной базы бюджета. Перманентный спад производства кризис платежей, вызванный тяжелым финансовым положением налогоплательщиков, сепаратизм регионов привели к резкому

уменьшению поступлений налогов в федеральный бюджет. По данным Министерства финансов, поступление налогов и других платежей в федеральный бюджет в первом полугодии 1994 г. составило 18500 млрд руб., что соответствует 64 % к прогнозным расчетам; по отношению к валовому внутреннему продукту (ВВП) эта величина составляет 7,6 % против 13,8 % за соответствующий период 1993 г.

Закручивается экономическая спираль: сокращение бюджетных расходов с целью снижения темпов инфляции ведет к спаду производства, спад производства сокращает налоговую базу бюджета, уменьшение доходной части бюджета не позволяет проводить активную политику реструктуризации экономики, приводит к сокращению финансирования образования, здравоохранения, социальных программ поддержки малообеспеченных слоев населения. Ужесточение политики расходов федерального бюджета приводит к сокращению его доходов, что требует нового витка сокращения расходов, и т. д. В докладе правительству «Об исполнении федерального бюджета в 1994 году» Министерство финансов признало: «Для удержания расходов в жестких рамках пришлось применять секвестирование по большинству расходов федерального бюджета». Наиболее жестко эта линия была выдержана в отношении финансирования науки (в первом полугодии 1994 г. выделено только 67 % намеченных в бюджете средств), геологоразведочных работ (48 %), конверсии оборонных предприятий (72 %), федеральной программы инвестиций (64 %), здравоохранения (73 %), расходов на оборону (74 %), а также финансовую поддержку северных территорий (44 %) и социальные выплаты по программе «Чернобыль» (67 %).

Этот перечень свидетельствует о том, что в российском бюджете отсутствовали защищенные по стратегическим, социальным и политическим соображениям статьи, а бюджетная политика не имела сколько-нибудь четких государственных приоритетов. Вместе с тем жесткость бюджетной политики так и не привела к кардинальному сокращению бюджетного дефицита. Дефицит федерального бюджета в первом полугодии 1994 г. составил 9 % к валовому внутреннему продукту против 10 % в 1993 г. в целом и 3 % за первое полугодие 1993 г.

Что касается кредитных вложений в экономику России, то они характеризуются данными таблицы 5.

Таблица 5
Краткосрочные и долгосрочные кредиты в экономику России в 1994 г.

	1 янв.	1 февр.	1 марта	1 апр.	1 май	1 июня
Общая сумма кредитов, млрд руб.	30000	33100	35400	38900	43700	48000
в том числе:						
Краткосрочные кредиты в % к общей сумме	96,5	96,7	96,7	96,4	95,8	95,3
Долгосрочные кредиты в % к общей сумме	3,5	3,3	3,3	3,6	4,2	4,7

Как видим, хотя доля долгосрочных кредитов за первую половину года немало возросла (определение степени устойчивости этой тенденции требует более длительных наблюдений), тем не менее, она настолько мала, что говорить о приближении инвестиционного бума было бы, по меньшей мере, преждевременно.

Возможности трансформации макроэкономической политики

Определенные успехи в борьбе с инфляцией на этапе первого полугодия 1994 г. были достигнуты довольно большой ценой. И дело здесь даже не столько в размерах цены (хотя она также имеет значение), но в том, насколько эта цена может обеспечить устойчивость, долговременность тенденции к сокращению инфляции. Темпы инфляции сократились на фоне падения спроса на инвестиционные ресурсы и спроса на потребительские товары. Нет спроса, нет предложения, нет инфляции — нет экономической жизни. Своего рода «тактика выжженной земли».

В 1994 г. бессмысленно обсуждать, насколько эта тактика была необходимостью, а насколько — плодом доктринерского фанатизма его исполнителей. Это тема для будущих историков экономической политики. Сейчас важно определить пути выхода из кризиса.

Реалии экономического кризиса возрождают в России ностальгию по жесткому государственному управлению экономикой. На наш взгляд, возврат к тоталитарной экономике коммунистического образца является утопией. Однако новейшая история России дает много примеров, когда ради реализации очевидных утопий приносилась в жертву не только экономическая целесообразность, но жизнь миллионов людей. Рецидив попыток возврата к старой системе управления нельзя исключать, и именно поэтому необходимо сделать все возможное, чтобы его не допустить. В сложившейся в России ситуации политические заклинания уже малоэффективны, нужны весьма прагматические идеи и их четкая реализация.

Главная проблема, которая требует своего незамедлительного решения, — активизация инвестиционной сферы с целью реструктуризации экономики в соответствии с потребностями рынка. Сложность ее решения заключается в том, что практически любой вариант поощрения новых инвестиций (налоговые льготы для инвесторов, льготные кредиты, увеличение прямого бюджетного финансирования и т. д.) носит инфляционный характер. Но всякий новый виток инфляции отпугивает инвесторов. Круг замыкается. Необходимо найти компромиссные решения для того, чтобы все-таки выскочить из создавшегося порочного круга.

Ниже мы предлагаем некоторые шаги решения выше обозначенной проблемы с наименьшими, на наш взгляд, потерями. Эти предложения являются фрагментами более общей модели трансформации экономической политики России, исходящей из тех социально-экономических и политических реалий, которые сложились в стране после лет реформ. Полное рассмотрение этой модели далеко выходит за рамки темы данного доклада.

Мягкая денежная реформа как средство защиты инвестиционных расходов от инфляции. Если невозможно надежно защищать от инфляции всю экономику, то надо начать с инвестиционной сферы, являющейся мотором экономического прогресса. Из всех возможных вариантов защиты инвестиций мы отдаем предпочтение варианту введения параллельной валюты, которая первоначально должна обслуживать инвестиционную деятельность, а затем, по мере оживления экономики, вытеснить мягкий рубль. По своему существу это будет денежная реформа, но проводимая не единовременным государственным актом, а растянутая во времени на три-четыре года.

Предлагается ввести в обращение специальный инвестиционный рубль как особый вид твердой российской валюты. Инвестиционный рубль должен иметь одну главную особенность: постоянно поддерживаемый государством курс по отношению к доллару или ЭКЮ. Эмиссия инвестиционного рубля должна находиться в строгом соответствии с возможностями государства поддерживать и реально подтверждать на валютном рынке (включая западные валютные биржи) объявленный курс. Размер эмиссии инвестиционного рубля с самого начала должен зависеть не от того, сколько нужно эмитировать денег для осуществления тех или иных обязательных платежей, а от того, сколько можно их выпустить, не подрывая объявленный курс. Это необходимое условие возникновения доверия к инвестиционному рублю (ИР). Поскольку курс ИР будет поддерживаться всей массой потенциально ликвидных экспортных ресурсов, он не будет испытывать рабской зависимости от наличия в стране долларовой массы или иных СКВ.

Кредитные линии в ИР должны открываться только под целевые проекты после тщательной экспертизы их эффективности и под имущественные и иные гарантии.

Проведение оценки имущества приватизируемых предприятий в ИР позволит не только упорядочить их дальнейшее акционирование и формирование рынка ценных бумаг, но и создаст реальную основу решения вопроса об участии иностранного капитала в приватизации. Последняя проблема при нынешнем рыночном курсе доллара зашла в тупик.

ИР играет роль точки опоры для внутренних и внешних инвесторов. На первых этапах реформы инвестиционный рубль не должен обслуживать розничный товарооборот и сделки физических лиц. Основная сфера обращения ИР — производственный комплекс.

Для юридических и физических лиц, оперативно нуждающихся в валюте или рублевой массе, целесообразно сохранить систему валютных аукционов, где одновременно осуществляется и котировка нынешнего мягкого рубля.

ИР располагается как бы между СКВ и нынешним рублем. Он имеет фиксированную связь с СКВ и плавающий рыночный курс по отношению к нынешнему рублю. Такая связка с мировой валютной системой позволит разорвать тот порочный круг, о котором говорилось выше, дать импульс инвестиционному процессу. На базе инвестиционного рубля будет обеспечена реальная позиция российской валюты в рамках СНГ. В условиях прозрачных границ бесполезно мечтать о юридической защите рубля. Его можно защитить только экономически. Модель ИР будет привлекательна для многих республик, столкнувшихся ныне с теми же проблемами, что и Россия.

Предлагаемая выше схема «мягкой» денежной реформы позволяет дать прагматический ответ на извечный теоретический спор экономистов: является ли твердая валюта мотором преодоления экономического кризиса или результатом успешной борьбы с ним.

Возможность и реалистичность вышеописанного подхода к решению вопроса «инвестиции — инфляция» вытекает из анализа нынешних российских реалий. Фактически Россия уже живет в системе параллельных валют. Доллар играет роль средства сбережения как для населения, так и для предприятий и банков. Он беспрепятственно обращается по всей стране в значительных ко-

личествах. Однако такая параллельная валюта имеет целый ряд недостатков по сравнению с предлагаемым инвестиционным рублем. Во-первых, не совсем ясны и не всегда легальны источники поступления иностранной валюты на российский рынок. Во-вторых, размеры миграции иностранной валюты носят зачастую совершенно не управляемый и даже непредсказуемый характер. В-третьих, наличная иностранная валюта обслуживает в основном сферу торгового бизнеса и иные посреднические услуги, никак не вторгаясь в область производственных инвестиций.

Схема мягкой денежной реформы, обеспечивающей приоритеты инвестиционной деятельности, в течение уже нескольких лет предлагается руководителям России¹. Однако как правительство Рыжкова, так и правительства Гайдара и Черномырдина без всякого обсуждения категорически отвергли эти предложения. Это тем более непонятно, поскольку в них нет ничего одиозного и они опираются на мировую практику не в меньшей степени, чем монетаристские методы, использованные в Польше и России. Достаточно сослаться на опыт денежной реформы в России в 1922–1924 гг., приведшей через параллельные валюты к единой конвертируемой валюте всего за два года. Сюда же можно отнести опыт послевоенных Западной Германии, Японии, Италии. Послевоенная экономика этих временно оккупированных стран характеризовалась хождением наряду с инфляционной национальной валютой твердой, как правило, американской валюты. Наличие твердой параллельной валюты позволило этим странам создать, в конечном счете, достаточно твердую национальную валюту. Нынешняя Россия в части денежной системы очень напоминает Западную Европу после Второй мировой войны.

Платежный союз СНГ как способ организации денежной системы в бывшем пространстве СССР. Непонимание важности проблемы организации скоординированной монетаристской политики на всем пространстве бывшей коммунистической империи проявилось довольно давно. Достаточно напомнить, что уже после Беловежских соглашений и непосредственно в первые месяцы реформ Гайдара специалисты международных экономических организаций и представители команды Гайдара продолжали по инерции говорить об укреплении рубля и выделении на эти цели крупных финансовых средств. Какой, собственно, рубль тогда хотели укреплять? СССР? Но СССР исчез в конце 1991 г. России? Но российского рубля тогда еще не было. В результате многомиллиардные суммы были тогда выброшены на сохранение так называемой рублевой зоны, хотя было очевидно, что она обречена на провал после появления в каждой республике самостоятельных центральных банков, сохранивших за собой право осуществлять кредитную эмиссию на территории соответствующих республик. При этом право на эмиссию наличных денег узурпировал Центральный банк России. Экономическая война между центральными банками развалила рублевую зону и привела к дезорганизации денежного хозяйства в первые и без того тяжелые месяцы реформ. Этот результат предсказывался еще в конце 1991 г. Теперь снова возникает ностальгия по возрождению рублевой зоны. Она нашла свое

¹ Например, могу сослаться на свою статью: Золотой червонец — вчера и завтра // Новый мир. 1987. № 8. См. т. 1 наст. издания (с. 232–254).

выражение в переговорах о вступлении Белоруссии в рублевую зону. Возможно, это первая ласточка.

Нам представляется, что концепция воссоздания рублевой зоны так же порочна, как и идея ее сохранения, занимавшая умы реформаторов в 1992 г. Политические суверенитеты имеют свою юридическую атрибутику. В нее входят, наряду с национальными гербом, флагом, гимном, и национальная валюта. Совсем не обязательно иметь одну денежную единицу, чтобы скоординировать денежную политику. Опыт послевоенной Западной Европы свидетельствует об этом. Но почему-то этот опыт не проецируется ни на республики бывшего СССР, ни на страны Восточной Европы. Похоже, что западные специалисты склонны поощрять стремление каждой отдельной страны бывшего коммунистического блока самостоятельно интегрироваться в мировую валютную систему. Можно согласиться, если быть оптимистом, что это удастся сделать нескольким странам в одиночку, скажем, Польше, Чехии, Венгрии, Эстонии, России. А что делать на остальном огромном экономическом пространстве?

Усилия Международного валютного фонда и других международных экономических организаций должны быть переориентированы на разработку международного проекта по организации платежного союза на посткоммунистическом пространстве, который явился бы своего рода промежуточной ступенькой или подготовительным классом перед последующей постепенной интеграцией этих стран в мировую валютную систему.

Если рассматривать проблему стратегически, то проект организации взаиморасчетов и единой монетарной политики должен, по нашему мнению, выходить за рамки стран СНГ. Он может оказаться приемлемым и для некоторых стран Восточной Европы и Прибалтики. Дело в том, что распад коммунистического блока самым разрушительным образом сказался на внешней торговле в рамках бывшего СЭВ. Восточноевропейские страны настойчиво стучатся в экономические двери Западной Европы. Они рассуждают по одинаковой схеме: дайте нам западные технологии и при нашей дешевой рабочей силе мы завалим Европу высококачественными товарами по низким ценам. Однако поставим вопрос: насколько такое развитие событий в интересах западноевропейских стран? Разница в потенциалах уровней оплаты труда — взрывоопасный элемент в международной торговле. Примером тому может служить новейшая экономическая история Тихоокеанского региона. В стратегических интересах Запада помочь восточноевропейским странам создать такую систему взаиморасчетов с Россией, которая делала бы выгодным их присутствие, прежде всего, на восточных рынках. Не менее важно реанимировать угасший интерес России к рынкам бывших союзников по Варшавскому договору. Таким образом, речь идет о необходимости взаимного согласования интересов всех партнеров по проекту.

Страхование политических рисков как условие привлечения частных иностранных инвесторов на российский рынок. Мы глубоко убеждены, что подъем российской экономики или невозможен, или откладывается на долгие годы без привлечения серьезных западных инвесторов, несущих новую технологическую культуру и организацию производства и маркетинга. Необходимо прекратить бесконечные разговоры о помощи России. Нужна не помощь, а взаимовыгодное партнерство, и прежде всего в инвестиционной сфере. Однако серьезный

иностранный капитал не придет на рынок страны, в которой в течение как минимум пяти лет наблюдается политическая нестабильность. Парадокс состоит в том, что основной причиной политической нестабильности в России является экономический кризис. Быстрый выход из него невозможен в условиях блокады России со стороны западных инвесторов. Опять замкнутый круг.

Выход из него — в создании Международного страхового фонда по страхованию инвестиций в Россию от политических рисков. Остается только удивляться, что столь очевидная и практически легко выполнимая акция до сих пор не только не реализована, но даже серьезно не прорабатывается на уровне лиц, принимающих решения.

Практическое воплощение в жизнь идеи создания системы международного страхования от политических рисков предполагает выполнение следующих условий:

1. Юридическая разработка понятия «политический риск» и его четкое отделение от чисто экономических, коммерческих рисков. Современное состояние международного права позволяет без помех реализовать это условие.

2. Определение источников формирования уставного капитала Международного страхового фонда. Источники эти очевидны. Один из них — переключение средств, которые сейчас предоставляются и обещаются России Международным валютным фондом на поддержку экономических реформ. Другой — взносы России и других государств, желающих принять участие в Международном страховом фонде. Третий — средства коммерческих банков, частных страховых компаний и т. п., привлекаемые путем продажи акций или иными известными в международной практике способами.

3. Разработка устава Международного фонда страхования от политических рисков, условий страхования и компенсации ущерба. Обязательным условием создания Международного фонда страхования от политических рисков должно быть его территориальное размещение за пределами бывшего СССР.

Если необходимость этой работы будет понята международным сообществом и российским руководством, она может быть выполнена в течение шести-восьми месяцев.

***

Для осуществления вышеперечисленных мероприятий необходимо пересмотреть некоторые стереотипы в подходах к осуществлению экономических реформ. Пройденный за два с половиной года путь многому научил. Но главное — понять, что этот путь уже пройден, возникла новая ситуация, тоталитарная экономика сломлена, и, будем надеяться, окончательно. Но новая ситуация породила новые проблемы, и их нельзя решать старыми методами, даже если они были идеальными в прежних условиях. Топтаться на месте — значит проиграть демократию в России.

РОССИЯ — ЗОНА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КАТАСТРОФЫ (1996 г.)¹

В последние годы, как никогда ранее, экономика нашей страны превратилась в объект политических спекуляций. Темпы инфляции, темпы спада производства, темпы падения реальных доходов населения стали «краплеными картами» в политической борьбе. Но главным центром притяжения политических демагогов стал термин «стабилизация»: макроэкономическая, финансовая, народнохозяйственная, социально-политическая. При всех нюансах явно просматривается одна-единственная политико-эгоцентрическая трактовка: стабилизация — это когда у власти мы или, по крайней мере, наши преемники ничего не будут пересматривать. Таким образом, крупная экономическая проблема стабилизации низводится до уровня языкового штампа в политической демагогии.

Между тем уже многие годы существует достаточно четкая, математически жестко доказанная теория экономической стабилизации. Эта теория разрабатывалась в рамках советской экономической мысли с целью показать объективную тупиковость экономической политики того времени.

Экономика «равнодушна» к политическим ярлыкам. Есть действия (конкретная хозяйственная политика), и есть социально-экономический результат. Как бы ни назывались действия — «демократические реформы», «шоковая терапия», «стабилизационная политика», единственным критерием оценки может быть только экономический результат. Поэтому и реформаторская экономическая политика должна анализироваться с позиций реального выхода, а не априорно навешенных на нее политических лозунгов. Для объективной оценки результатов, получаемых в ходе «кипучей» деятельности российских реформаторов, необходимо четко определить понятийный аппарат. В связи с этим мы вынуждены обратиться к теории стабилизации экономики.

---

¹ *Петраков Н. Я., Перламутров В. Л.* Россия — зона экономической катастрофы // Вопросы экономики. 1996. № 3. С. 74–83.

Что такое стабилизация экономики?

Теория стабилизации экономики¹ чрезвычайно прозрачна с точки зрения определения целей — минимизация зон риска, «расшивка» узких мест, локализация сфер непредсказуемого поведения. Для устойчивого развития системы (в данном случае экономической) необходимо: во-первых, понять, куда и как вкладывать ресурсы; во-вторых, определить, на какую степень риска согласно обществу. Это зависит не только от мандата доверия, полученного на выборах политическим лидером или блоком, но и от оценки объективной сложности системы, подлежащей реформированию. Чем сложнее, объемнее система, тем больше средств надо резервировать для обеспечения ее устойчивости при реорганизации.

Направление части ресурсов на стабилизацию экономики в развитых странах всегда предусматривалось; собственно, от этого и зависела степень их цивилизованности. Давно стало аксиомой хозяйственной жизни, что для обеспечения ритмичной, согласованной работы различных производств, связанных в единое целое системой общественного разделения труда, необходимо иметь резервные и страховые фонды, величина которых определяется оценкой возможных размеров ущерба, наносимого теми или иными сбоями. Резервные фонды, материализованные в различных конкретных формах, обладают различной мобильностью. Это могут быть запасы готовой продукции, сырья, материалов, резервные мощности, ресурсы госбюджета, банковской системы, запасы валютных ресурсов, собственные активы предприятия и т. п. Затраты на создание и содержание всех видов резервных фондов являются затратами на стабилизацию. К вложениям в стабилизацию экономической системы относятся, безусловно, и затраты на создание и развитие инфраструктуры. При их отсутствии или недостаточности экономика неминуемо движется к состоянию катастрофы.

Известно, что выделяют три типа инфраструктуры: *материальный*, к которому относится сооружение дорог, мостов, портов, систем связи, жилищное и культурно-бытовое строительство; *институциональный*, включающий совокупность учреждений государственного аппарата управления, затраты на организацию и содержание денежно-кредитной и финансовой систем (рыночная инфраструктура), расходы на развитие фундаментальных наук; *персональный*, охватывающий вложения в образование, здравоохранение, культуру и другие виды обслуживания населения.

Все вложения в инфраструктуру — это вложения в стабилизацию социально-экономической системы, поскольку наравне с вложениями в повышение надежности технических средств и технологических процессов они резко повышают степень устойчивости общества, его иммунитет к различного рода социальным и экономическим «болезням», обеспечивают необходимый адаптационный потенциал для адекватного реагирования на быстро меняющийся окружающий мир. К вложениям в стабилизацию, несомненно, относятся и затраты на охрану природы, поддержание экологического равновесия.

---

¹ Петраков Н. Я., Ротарь В. И. Фактор неопределенности и управление экономическими системами. М.: Наука, 1985.

Особое место занимают проблемы социальной стабильности. Экономический срез этих проблем — доходы населения: их уровень, дифференциация, механизмы формирования и перераспределения. Социальная стабильность — весьма тонкая материя. Поэтому во всех цивилизованных странах область социальной политики является предметом самого пристального внимания экономистов, социологов, политологов и политиков.

Укрупненная классификация стабилизирующих факторов, определяющих состояние социально-экономических систем, позволяет четко понять, в чем содержание стабилизационной политики. Неравновесность экономической ситуации, хаотичность поведения отдельных составляющих единого экономического организма требуют увеличения инвестиций в стабилизирующие звенья системы. Если этого не делать, то начинается нарастание вероятности срыва сначала в уже обозначившихся узких местах, затем в геометрической прогрессии растет количество самих этих мест. Экономика и общество оказываются в состоянии катастрофы. При этом следует различать две реальные ситуации: система находится в предкатастрофическом состоянии; катастрофа уже состоялась, т. е. система распалась.

Первая ситуация означает, что ва-банковская политика привела к такому уровню накопления дестабилизационного потенциала в системе, при котором у нее нет достаточных внутренних ресурсов, чтобы перекрыть риски. Вероятность их неблагоприятной реализации уже приближается к единице. Иными словами, при нарастании вероятности одновременного наступления большого числа срывов в системе она может оказаться перед фактом острой нехватки средств для ликвидации срывов. Тогда и начинаются распад, атомизация социально-экономической системы. Ва-банковская социально-экономическая политика приводит к разрушению иммунной системы общества, ликвидирует его внутренние адаптационные механизмы.

Анализ политики правительств Гайдара—Черномырдина дает все основания полагать, что их усилиями Россия за последние четыре года переместилась из состояния кризиса в состояние катастрофы. Взяв на вооружение концепцию финансовой стабилизации, имеющую весьма ограниченное и производное значение, они стали множить дестабилизирующие факторы. Режим экономии бюджетных средств ведет к инфраструктурному кризису. Экономия на профилактических ремонтах вызвала за последние четыре года резкий рост аварийности на шахтах, предприятиях, на транспорте (особенно трубопроводном) и т. п.

Наши руководители склонны изображать рост аварий как результат разбушевавшейся природной стихии. Нет, это прямое следствие дестабилизационной политики. Вспомним недавнюю трагедию Сахалина. На одном из заседаний Правительства России в ноябре 1995 г. были оглашены следующие факты: с 1991 г. в стране было закрыто 52 сейсмические станции, в пять раз снизилась точность определения масштабов землетрясений. Аналогичные примеры можно продолжить. Нет ни одной сферы хозяйственной деятельности или сферы социальных услуг, включая образование, науку, здравоохранение, где не наблюдалось бы нарастание дестабилизирующих факторов. Зоны риска расширяются с огромной скоростью. Избранная стратегия блефа загоняет экономику и все общество в тупик. Грошовая сиюминутная экономия на поддержании в нормаль-

ном состоянии производственной и социальной инфраструктуры в ближайшем будущем обернется огромными материальными потерями.

Проведенный анализ свидетельствует о том, что необходимо переосмысление всей концепции социально-экономических реформ. Правильнее было бы сказать: требуется формирование концепции, поскольку нынешнее руководство на протяжении четырех лет концепцию так и не разработало. Это была пожарная команда по тушению пожаров, которые возникали в результате ее собственной деятельности. А коль скоро изначально был неправильно определен источник возгорания, пожар в нашем экономическом доме все больше разгорался.

Первоочередные антикатастрофические меры

Нынешняя российская экономическая ситуация весьма схожа с мировой экономической ситуацией начала 1930-х гг. В октябре 1929 г. разразился финансовый кризис после краха на Нью-йоркской фондовой бирже. За неделю превратились в прах акции на 14 миллиардов долларов, до конца года — на 40 миллиардов. Правительство президента Г. Гувера успокаивало страну, что в ближайшие недели, через несколько месяцев, через полгода, через год ситуация стабилизируется. Между тем кризис охватывал одну за другой ведущие индустриальные страны. За 1929–1933 гг. объем промышленного производства в этих странах сократился на 40 %, в том числе в Германии — на 42 %, в США — на 48 %. Вступивший на пост президента США в марте 1933 г. Ф. Рузвельт признал состояние экономики катастрофическим и с первых же дней исполнения своих обязанностей взял новый курс экономической политики, в конечном счете приведший к стабилизации положения. В таблице ¹ представлены сравнительные показатели работы народного хозяйства России и США за кризисные годы.

Таблица 1

Сравнительные показатели работы народного хозяйства России и США за кризисные годы (в %)

	Россия				США			
	1989 г.	1992 г.	1994 г.	1995 г.	1929 г.	1933 г.	1939 г.	1940 г.
Объем промышленной продукции	100	74,5	47	43,2	100	48,0	83,7	107
Объем сельскохозяйственной продукции	100	84,6	75	72,2	100	50,5	77,4	82,4
Капитальные вложения	100	46,5	32	27,2	100	16,4	61,9	80

Как видно из таблицы, экономическое положение России в 1995 г. по сравнению с 1989 г., когда наблюдался, хотя и незначительный, но все же рост производства и инвестиций, дает приблизительно такую же картину, как и экономическое

¹ Economic Report of the President, Appendix B. Washington, 1989; Социально-экономическое положение России. М.: Госкомстат РФ, 1990–1995.

положение США в 1933 г. по сравнению с 1929 г. При этом надо отметить, что если после 1933 г. в США начался нарастающими темпами рост экономики и в 1941 г. были превзойдены показатели 1929 г., то России 1996 г. не сулит перелома в состоянии хозяйства, если не принять решительных мер.

Настоятельными первоочередными мерами, направленными на преодоление катастрофы, на наш взгляд, могут быть следующие.

Государственное регулирование спроса на продукцию и услуги. Перелом в экономике наступит только при росте производства и сбыта продукции. Рост же начинается и идет тогда, когда повышается платежеспособный спрос населения и предприятий. Значит, надо, чтобы у них были деньги — заработанные, кредиты, вклады. Отчего у нас бушует платежный кризис, этот первейший вестник катастрофы? Оттого, что государство потеряло контроль над денежным обращением, ценами, банками, преступностью, налогами, валютой, внешней торговлей, да и внутренней тоже. Спрос сжался: какое же может быть производство? Производить бесплатно охотников мало. И он все больше сжимается: десятки миллионов покупателей не имеют денег даже на самое необходимое, а у них десятки миллионов иждивенцев. Почти нет денег и у предприятий.

Просрочки платежей за поставки дошли до трех месяцев. Как же почти без выручки от реализации и почти без оборотных средств предприятия могут прожить при переходе к рыночной экономике? Что касается неплатежей, то для позиции правительства характерно высказывание ответственного секретаря Оперативной комиссии правительства по совершенствованию системы платежей и расчетов: «Кризиса платежей как такового сейчас нет»¹.

Предприятия надо наделить минимально необходимыми (для нормальной оплаты поставок и выдачи заработной платы) оборотными средствами и минимально необходимыми ресурсами для поддержания в работоспособном состоянии станков, машин, оборудования, обеспечить их заказами на изготавливаемую продукцию. Тогда почти остановившееся производство начнет оживать, а работники смогут зарабатывать деньги на жизнь. И чем больше будет оживать производство, тем, понятное дело, они будут больше зарабатывать и лучше жить.

Однако где взять финансовые ресурсы? Их, как уверяет правительство, нет ни в госбюджете, ни в Банке России, ни у субъектов Федерации. Такие ресурсы есть на финансовом рынке. Послевоенная Япония, например, где промышленное производство упало на 90 %, именно так и нашла средства для восстановления экономики. Правительство первые 10–12 восстановительных лет не открывало финансовый рынок в стране. Центральный инвестиционный банк аккумулировал значительную часть денежных средств и выдавал их лишь на те нужды, которые признавались важнейшими для национальной экономики.

Надо полагать, и нам для восстановления народного хозяйства следует сжать, сократить либо вовсе закрыть «свободный финансовый рынок», аккумулировать капиталы в находящихся под контролем правительства банках и направить их на ликвидацию неплатежей, на пополнение оборотных средств хозяйств, а также на текущие и капитальные ремонты оборудования предприятий. Когда сегодня повсеместно говорят о необходимости инвестиций в экономику, то почему-то

---

¹ Экономика и жизнь. 1995. № 42. С. 1.

не уточняют, что, прежде всего и раньше всего инвестиции нужны в оборотные средства. Если без вложений в основные средства хозяйство останавливается по мере их износа и счет здесь идет на годы, то без достаточных для нормальной работы оборотных средств предприятия останавливаются, не дожидаясь и конца года. Неплатежи — самый скорый метод окончания работы народного хозяйства. Альтернативой может быть только «натуральная экономика» — без платежей, без денег и становящихся вследствие этого ненужных и излишних хозяйству цен.

Что касается приватизированных предприятий, то к ним может быть дифференцированный подход. Крупные и средние из них, если контрольные пакеты акций остались у государства, ничем не будут отличаться от государственных. Вообще-то по европейским стандартам они и считаются государственными. Другие крупные и средние предприятия в критический период в части заказов, цен, налогов, зарплаты, порядка кредитования должны быть приравнены к казенным, т. е. работать на благо страны. Позднее можно будет разобраться и с ними, с каждым в отдельности: какое приватизировано с пользой для национальной экономики, какое — с ущербом, а какое — «прихватизировано».

Показательно, что, доведя количество акционированных предприятий в стране до 27,5 тысяч и приватизированных — до 12,5 тысяч, ведомство по приватизации, как сообщил его глава, обеспечило поступление в бюджет от приватизации около 1 триллиона рублей из запланированных 8,7 триллионов рублей¹. Как только катастрофа в экономике будет предотвращена, надо оценить реальную и продажную стоимость приватизированных предприятий. Известно, что 500 крупнейших предприятий страны стоимостью в 200 миллиардов долларов Госкомимущества продал всего за 7 миллиардов долларов. Видимо, подобная практика широко распространена. В таком случае акционерам государство вправе представить следующую возможность: либо доплатить до реальной цены, либо перейти в положение арендаторов невыплаченной части имущества, либо же вернуть собственность государству.

Государство должно взять цены под свой жесткий контроль. Его задача — обеспечить паритет цен по последовательным звеньям народного хозяйства, от угля и нефти до хлеба и обуви. Это значит, что электричество не может быть дешевле используемых угля и мазута для электростанций, зерноуборочный комбайн — дороже собранного с его применением хлеба, добыча угля в Кузбассе — дешевле его перевозок и т. п. Ведь нэп, например, не состоялся бы без паритета цен между городской и сельской продукцией. И американское фермерство без госзакупок зерна правительством Ф. Рузвельта по паритетным ценам полностью было бы разорено.

Во время нефтяного кризиса 1970-х гг. президент США Р. Никсон дважды замораживал цены и доходы. Он называл это «периодом принудительной стабильности». Действительно, если она не получается естественным путем, то приходится прибегать к принуждению. Остановить беспорядочный и бесконтрольный рост цен мы можем лишь таким же образом. Но это мера временная. Она ведь консервирует и все существующие дисбалансы, диспаритеты цен. Поэтому надо подготовить и меры их упорядочения. По опыту современных индустриальных экономик

---

¹ Экономика и жизнь. 1995. № 44. С. 1.

в числе таких мер можно назвать прежде всего закон о порядке отнесения затрат на себестоимость продукции и услуг. Тем самым под угрозой уголовного наказания ликвидируется возможность произвольного взвинчивания затрат и, следовательно, «накрутки» цен. Да и обман налогового ведомства (завышение в цене себестоимости и соответственно припрятывание прибыли) становится тем самым весьма затруднительным.

Кроме того, для обеспечения паритета цен по последовательным переделам государство должно определить нормативы прибыли к себестоимости продукции (единые или дифференцированные в зависимости от капиталоемкости и трудоемкости отраслей — это предстоит выбрать). Сверхприбыли могут быть изъяты в госбюджет через прогрессивные ставки налога на прибыль, рентные платежи. Возможен и такой вариант: государство фиксирует цены на исходные сырьевые, топливные ресурсы и на потребительские товары первой необходимости. А промежуточные звенья производства на основе картельных соглашений определяют свои цены.

Цены на потребительские товары первой необходимости должны иметь четко установленную верхнюю границу. Еще Борис Годунов четыре века назад при сильном недороде устанавливал в Москве казенную цену на хлеб. Якобинское правительство во Франции в конце XVIII в. утвердило «хлебный максимум» — цены не могут расти выше назначенной цены. В послевоенной ФРГ были приняты «социально-приемлемые цены» на хлеб, обувь и товары рядового качества, на жилье. В России на уровне реально прожиточного минимума, а не просто в 48 тысяч или 56 тысяч рублей следует установить минимальный уровень зарплаты, пенсий и пособий. Никакое серьезное правительство в условиях кризиса или катастрофы не оставляло доходы населения без внимания и не устанавливало минимальный доход граждан на уровне вымирания. С другой стороны, всегда определялся прямо или косвенно максимально допустимый уровень дохода гражданина. Чаще всего достигается это так: на высокие и сверхвысокие доходы назначается жесткий налог, даже на уровне 90 % и более. Почему бы российской казне сегодня не последовать этому примеру?

Жесткое наказание за коррупцию, рэкет, обман налогового ведомства. Когда начнется рост производства и, следовательно, доходов, то станет легче и казне, и законопослушному налогоплательщику. Пока же казна должна выжимать максимум с богатого и законопослушного, причем не только налоги, но и конфисковать его капитал, который, как правило, создан обманным путем.

Кстати сказать, необходимо вернуться к общепринятому методу расчета прибыли предприятий — на основе выручки от реализации. В последние годы в связи с массовыми неплатежами прибыль в хозяйстве стала исчисляться на основе объемов отгрузки продукции. Тем самым зачастую в доходы бюджета перечисляются не доходы от хозяйственной деятельности, а оборотный и основной капитал плательщиков. При таком порядке невозможно отличить прибыльное производство от убыточного, что никакого отношения к рыночным методам хозяйствования не имеет.

Есть международный правовой режим: если партия товаров или капитал вывезены из страны без уплаты или с недоплатой налогов, то они по заявлению потерпевшего государства возвращаются обратно. Для России — это огромный

источник капиталовложений, доходов бюджета. Знают у нас об этом в правительстве? Разумеется, знают, но щадят криминальную буржуазию. Правда, пока Министерство финансов гордится тем, что пополняет бюджет за счет так называемых безинфляционных источников — продажи государственных ценных бумаг, но это ошибка. Ценные деловые бумаги — долговые расписки государства. Через месяц, квартал, год их надо выкупать обратно. За счет чего? Либо за счет новых доходов государства, которых нет и не может быть при падении производства — главного создателя доходов и плательщика налогов, либо за счет новых финансовых пирамид.

Что касается инфляции, она с увеличением кредитов в производство тоже начнет расти. Есть два вида инфляции. Первый — как плата за некое будущее благополучие. Например, в условиях войны доходы государства сокращаются, а расходы увеличиваются, инфляция — итог, а благо — победа. Или послевоенный кризис: сначала надо потратить деньги на восстановление предприятий, их реконструкцию, конверсию, на строительство новых отчасти и за счет инфляции, а «урожай» будет, когда они вступят в строй. В нынешней же России инфляция раскручена правительством не для подъема, модернизации, повышения эффективности производства, а именно для того, чтобы обесценить капиталы государственных предприятий, заодно и доходы населения, чтобы задешево передать все это новой буржуазии (второй вид инфляции). Его надо немедленно остановить, и государство вполне в силах это сделать, используя тот самый первый вид, который и приведет к подъему отраслей хозяйства и предприятий.

Последствия первого вида инфляции для людей будут менее тяжелыми, поскольку государство станет контролировать цены, а на товары первой необходимости вообще их зафиксирует (возможен и вариант нормативного снабжения населения такими товарами по твердым ценам). Рост выпуска товаров и, соответственно, доходов работников инфляцию сведут к минимуму либо вовсе остановят. Как только в последние годы нэпа советская промышленность стала расти на десятки процентов в год, инфляция прекратилась.

Властный контроль Банка России за всей банковской системой страны. Ф. Рузвельт начал с того, что провел сплошную государственную ревизию всех неразорвавшихся банков и финансовых компаний и закрыл те, бухгалтерские балансы которых были признаны непригодными. Заняло это всего-то две недели. Мало того, президент США объявил, что если банки начнут противиться курсу правительства, то в Конгресс будет представлен закон об их национализации, это подействовало. И нам надо провести такого рода ревизию, закрыть те коммерческие структуры, которые работают не на экономику, а на себя. В запасе надо иметь и вариант национализации.

Кроме того, в соответствии с «Чрезвычайным законом о банках» американское правительство определило, что инвестиционные банки должны сосредоточить свою деятельность именно на инвестициях и, стало быть, не ориентироваться на практику «коротких» денег. В нашей экономике сегодня нужен такой ход: заставить инвестиционные по своему уставу финансовые структуры заниматься прямым объектом своей деятельности. Иначе, ожидая низкую инфляцию для перехода к инвестициям в экономику, как делает нынешнее правительство, можно вообще не дожидаться роста капиталовложений. Без них же производство

в стране через несколько лет просто остановится. Следует отказать хозяйствующим субъектам в праве открывать многочисленные счета в разных банках.

Направление денежных потоков в производство в ущерб спекулятивному финансовому рынку. Государство должно определить приоритеты в экономике и разрешать направлять кредиты и инвестиции только на приоритетные цели. Форма собственности банка или корпорации здесь не имеет значения. Так поступали после 1945 г. правительства Японии, Франции, Англии и других стран. Еще не закончилась Вторая мировая война, а британский премьер У. Черчилль определил приоритеты послевоенной экономики: продовольствие, рабочие места для всех свободных рабочих рук, энергетика, экспорт.

Известны и банковские методы такого гарантированного целевого использования кредитов: спецсудные счета, кредитные линии. Для антикатастрофичного курса правительства эти методы — неоценимое орудие наведения порядка в денежном обороте страны. Почему они у нас не используются в отличие от остального мира? Все потому же: чтобы легче было наживаться приватизаторам и криминальному бизнесу.

Налаживание оптовой торговли в народном хозяйстве. Надо срочно начать создавать в стране крупные производственно-торговые или торговые объединения типа старых советских синдикатов или нынешних западных промышленно-финансовых групп, которые смогут организовать и упорядочить движение товарных потоков. Крупный оптовый купец дает крупные выгодные стабильные заказы производителям. Да и он сам выгодно отличается от мелкого и розничного купца тем, что не гонится за большой прибылью с единицы товара. Он знает и понимает, что и при минимальной прибыли в цене единицы получит высокую прибыль от массы реализованных товаров.

Мало того, такие крупные оптовики чаще всего сами определяют розничную цену автомобиля, телевизора, костюма, пары обуви и т. п., а мелкооптовый или розничный продавец может только договариваться о своей доле в этой цене. В сегодняшнем мире около половины продукции индустриально развитых стран реализуется по ценам, устанавливаемым всего лишь несколькими десятками ведущих транснациональных и национальных корпораций именно по такому принципу. В нашей стране подобными методами можно ликвидировать и невероятные «накрутки» цен, и хаос в производстве и реализации продукции.

Совершенствование валютных и внешнеторговых операций. Разумеется, ни одна индустриальная страна в кризисных, а тем более катастрофических условиях не держит открытыми внешнеэкономические границы. Центробанк должен установить четкий режим ввоза и вывоза валют, капиталов и прибылей. Правило тут простое: разрешается все то, что способствует росту производства в стране.

Сегодня России нужны государственная валютная монополия и определение реального обменного курса рубля на основе «корзины валютных товаров». Экспортом и импортом призваны заниматься крупные государственные или находящиеся под государственным контролем купцы. Их задача — не вывозить из страны задешево все, что только можно вывезти, оставляя миллиардные выручки в зарубежных банках, и не ввозить то, без чего страна сегодня может обойтись. Они должны оградить отечественное производство от губительной для него зарубежной конкуренции и помогать ему ввозом таких материалов, комплекту-

ющих изделий, красителей, станков и оборудования, которые необходимы для подъема хозяйства. После Второй мировой войны странам Западной Европы понадобилось 13 лет для налаживания собственного производства, прежде чем они открыли внешнеэкономические границы, в том числе и валютные.

Регулирование государством внешней финансовой задолженности страны. Если страна пойдет антикатастрофическим курсом, то МВФ и МБРР, западные клубы кредиторов, несомненно, предъявят России к взысканию многомиллиардную валютную дебиторскую просроченную задолженность. Она достигла 130 миллиардов долларов — вдвое больше, чем задолженность бывшего СССР. Как тут быть? У нас есть некоторые резервы, которые можно направить на погашение долгов: продажа на вторичных финансовых рынках денежных обязательств третьих стран (Сирии, Вьетнама, Кубы и др.), что составляет более 70 миллиардов долларов; продажа российского имущества за границей; возвращение через Интерпол десятков миллиардов российских вкладов в иностранных банках. Вероятно, набранной таким образом суммы не хватит для полного выполнения обязательств. Что же, тогда вступает в действие обычно принятый порядок: кредиторам придется пролонгировать сроки ссуд. При динамичном же подъеме экономики России у кредиторов не будет сомнений в том, что она рассчитается по обязательствам сполна. На наш взгляд, реализация комплекса первоочередных антикатастрофических мер создаст условия для последующего интенсивного экономического роста.

РУССКАЯ РУЛЕТКА (1998 г.)¹

Вместо предисловия: власть утопии

...Вымрут полудикаие, глупые, тяжелые люди русских сел и деревень... и место их займет новое племя грамотных, разумных, бодрых людей.

Максим Горький

Двадцатый век для России — время огромных бессмысленных жертв, погони за несбыточными мечтами. Непрерывная, бесшабашная игра против здравого смысла, против исторической логики, против объективных законов социально-экономического развития. Страна на целое столетие превратилась в гигантскую лабораторию, менялись только экспериментаторы. Но при всей несхожести по социальному происхождению, жизненному опыту, убеждениям их объединяло одно — полное равнодушие к «человеческому материалу», над которым они позволяли себе ставить опыты. Беспрецедентное легкоеверие россиян, граничащее с полным политическим инфантилизмом, — национальная черта, приведшая в XX в. страну к катастрофе. Эта черта выталкивала на вершины власти совершенно безответственных фанатиков, зашоренных абстрактными построениями, считающих естественным разрешать свои личные комплексы неполноценности путем широкого социального экспериментирования.

Выдающиеся историки М. Геллер и А. Некрич совместно написали трехтомник по истории Советского Союза с 1917 г. до его исчезновения, т. е. охватили

---

¹ *Петраков Н. Я.* Русская рулетка: Экономический эксперимент ценою 150 миллионов жизней. М.: Экономика, 1998. — 286 с.

весь период, когда большевики правили страной. Меня восхитила глубина и точность названия этого труда — «Утопия у власти»¹.

Большевики выступили как активные строители идеального мира, имея в своем багаже довольно четкие представления о «язвах капитализма» и совершенно смутную картину этого идеального мира. Отсюда и концепция перехода от старого к новому: все должно быть наоборот, «кто был никем, тот станет всем». Если оказался у власти и не знаешь, как ей распорядиться, то самое простое взять на вооружение тактику разрушения: ликвидация частной собственности, буржуазных свобод, аристократии, предпринимателей, интеллигенции, затем кулачества как класса, еще позже врагов народа, «народов-изменников» и т. д. И все это во имя идеалов победы коммунизма в мировом масштабе².

Впрочем, массовыми народными жертвами во имя идеалов благоденствия этого самого народа не брезговали на Руси не только коммунисты. Николай II сделал все от него зависящее, чтобы ради идеалов самодержавия, православия и народности разрушить динамично развивающуюся страну с огромным экономическим и интеллектуальным потенциалом, способную при условии демократического развития играть позитивную роль в решении геополитических проблем начала века. Никто объективно не сделал столько для победы большевиков, как последний российский император. И только полное отсутствие юмора у марксистов-ленинцев не позволило им поставить памятник в честь заслуг Николая II перед революцией.

Практика последних лет, опыт постсоветской России свидетельствуют о том, что страна не имеет иммунитета не только против «утопического социализма», но и против «утопического капитализма». Отказ от коммунистических идеалов опять потребовал от населения огромных жертв. Почему жертвы должны быть столь значительными, до сих пор не объяснил никто. Ведь если оставаться в рамках здравого смысла, то следует признать, что снятие с экономики пресса коммунистической идеологии привело к огромному высвобождению ресурсов.

Резко сократились военные расходы, затраты на присутствие российских вооруженных сил в Восточной Европе, странах СНГ и других регионах мира; были заморожены амбициозные инвестиционные проекты, всегда волновавшие коммунистических лидеров; прекратилась помощь развивающимся странам и странам — политическим спутникам, кардинально уменьшились государственные дотации сельскому хозяйству, угольной промышленности, сведено к минимуму финансирование космических программ, фундаментальной науки. Куда же делась высвободившиеся средства? Почему они не пошли на смягчение тяжести переходного периода для наиболее экономически уязвимых слоев населения? Да прежде всего потому, что о создании компенсационных механизмов, социальных амортизаторов никто из молодых экспериментаторов и не думал. Высокие цели

---

¹ Геллер М., Некрич А. Утопия у власти. М: МИК, 1995.

² «Мы не ведем войны против отдельных лиц, мы истребляем буржуазию как класс. Не ищите на следствии материала и доказательства того, что обвиняемый действовал словом или делом против советской власти. Первый вопрос, который мы должны ему предложить, к какому классу он принадлежит, какого он происхождения, воспитания, образования или профессии. Эти вопросы и должны определить судьбу обвиняемого. В этом смысле и сущность красного террора» (М. Лацис, газета «Красный террор», ноябрь 1919 г.).

заслоняли проблемы смягчения тягот подопытных граждан. Скорее наоборот, они гордились жесткостью (жестокостью) реформ, и не было большего оскорбления, как обвинение в отходе от жесткой линии. Идеалы бездефицитного бюджета сменили идеалы коммунизма.

Так весь двадцатый век Россию захлестывают утопии. И цена утопическим идеям (из которых ни одна не реализовалась в провозглашенном виде) огромна.

Измерение потерь — задача, не имеющая однозначного решения. В этой области существует много методик. Интегральные потери обычно пытаются оценить в денежных единицах. Однако здесь многое зависит от того, какие коэффициенты (цены) устанавливает тот или иной исследователь для каждого вида потерь. А они, как правило, мало или вообще несопоставимы друг с другом — скажем, экологические нарушения, моральный ущерб (социально-психологические деформации), интеллектуальный потенциал отдельных групп в различных социально-экономических ситуациях и т. д.

Кроме того, все реформаторы и их эпигоны в один голос твердят одну и ту же банальность: «История не знает сослагательного наклонения». Опровергать эту истину бессмысленно, пока не будет изобретена машина времени. Здесь уместно напомнить один журналистский штамп. Корреспондент спрашивает широко известного, но, к сожалению, старого человека: «Если бы вам дали второй раз прожить всю жизнь, какой бы вы путь выбрали?» В подавляющем числе случаев старец (старуха) отвечает: «Конечно, я прожил бы и вторую жизнь, как первую». Ответ верен и для мудреца, и для глупца. Мудрец понимает, что прожито то, что прожито, и время для него не имеет обратного движения. Глупец выпячивает грудь колесом и объясняет: все, что он делал в своей жизни, ставшей историей, было единственно правильным.

Так будем же выше этого житейского трюизма. Да, историю общества, страны нельзя повернуть вспять. Но это не значит, что следует игнорировать любые попытки в историческом аспекте рассмотреть альтернативные варианты общественного развития. Такой подход выхолащивает суть научного взгляда на мир, сводит науку к сухой фиксации фактов, к бухгалтерскому учету свершившихся событий. История стран, народов, культуры и искусства, безусловно, фиксирует и изучает уже случившееся. Но то, что стало историей, когда-то было настоящим и будущим. Поэтому специально для снобов не будем называть исследования исторических альтернатив и их последствий «историей», а взамен признаем, что крайне важно анализировать последствия тех или иных «исторических» решений в сопоставлении с альтернативными возможностями реализации других вариантов развития и, соответственно, наступления других событий. История ничему не учит только исторических детерминистов. Все должны знать цену своей истории. Особенно в России, где каждый исторический поворот имеет авторское клеймо, идеологическое обоснование и демагогический антураж. И каждый сегодняшний политический деятель завтра станет историей. Но он не должен сегодня или спустя некоторое время изображать себя слепым орудием кем-то выдуманного «исторического процесса», а должен отдавать отчет, что является активным его создателем. Личная ответственность за историю сродни личной ответственности за исполнение преступных приказов.

Именно с этих позиций следует рассматривать любые оценки потерь, понесенных Россией в результате политических, социально-экономических, военных

потрясений. Аптекарская точность здесь не только невозможна, но и неуместна. И чтобы не спорить о сопоставимости критериев измерения ущерба в различных сегментах общественной жизни, возьмем только один параметр (наверное, самый существенный с гуманистической точки зрения) — численность населения.

Демографы постоянно уточняют людские потери России. Но счет идет на миллионы и десятки миллионов человеческих жизней, какие методики подсчетов ни применяй. Первая мировая война, Гражданская война, белая эмиграция, голод и коллективизация, ГУЛАГ, Великая Отечественная война, вторая и третья волны эмиграции, Афганистан, Чечня, резкое увеличение смертности в связи с социальными и экономическими стрессами последних лет.

По расчетам Б. Ц. Урланиса, в Первой мировой войне Россия потеряла убитыми 1,8 млн человек. В Гражданскую войну, согласно Ю. А. Полякову, погибло 2,5 млн человек. Потери Советской армии во Второй мировой войне оцениваются в 8,6 млн человек¹. Эти цифры относятся только к потерям военнослужащих в ходе боевых операций. Общие демографические потери, связанные как с войнами, так и с социальными потрясениями, были существенно выше. Причем здесь следует выделять как прямые потери, так и косвенные — из-за снижения рождаемости. Прямые демографические потери СССР во Второй мировой войне оцениваются в настоящее время в 25 млн человек, т. е. почти в три раза выше, чем непосредственно в боевых действиях².

Искусственно организованный голод в 1932–1933 гг. унес 9,5 млн жизней. Это была месть Сталина крестьянству, не желавшему «великого перелома» в деревне.

По сведениям, которые приводит шведский политик Пер Альмарк в книге «Открытая рана» со ссылкой на исследования американского профессора Рудольфа Руммеля, посвятившего всю жизнь сбору данных о массовых репрессиях в СССР в 1917–1987 гг. в мирное время было истреблено 62 млн человек³. Несколько миллионов спаслись бегством в эмиграции или отказались возвращаться в Россию после немецкого плена (так называемые «перемещенные лица»). Да и начиная с 1990 г., уже при перестройке и реформах, из «свободной России» ежегодно стабильно уезжает по 100 тыс. человек⁴.

О демографических процессах в очередной раз реформируемой России разговор особый.

Ожидаемая продолжительность жизни населения России составляла в 1991 г. 69,02 года, а уже в 1995 г. — 64,61 года. Для мужчин соответствующие цифры составили 63,45 и 58,22 года⁵. Наибольший «вклад» в столь впечатляюще быстрое падение ожидаемой продолжительности жизни внесли мужчины в возрасте

---

¹ См.: Урланис Б. Ц. Войны и народонаселение Европы. М.: Соцэкгиз, 1960. С. 391–392; Поляков Ю. А. Советская страна после окончания Гражданской войны: территория и население. М.: Наука, 1986. С. 104; Гриф секретности снят. Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. М.: Воениздат, 1993. С. 130–131.

² Цит. по: Демографический потенциал России. Аналитические обзоры Центра комплексных социальных исследований и маркетинга. Вып. 5–6, 1996. Серия: Социология. М., 1996.

³ Известия. 1997. 30 октября.

⁴ См.: Демографический потенциал России... С. 128.

⁵ См.: Демографический потенциал России... С. 93.

от 30 до 60 лет, причем с 1993 г. на первое место вышли старшие трудоспособные возраста — после 45 лет¹. Вот он, разящий, беспощадный удар шоковой терапии, вполне в большевистских традициях. По данным Управления статистики населения Госкомстата РФ, только за два года (1993—1994 гг.) количество самоубийств увеличилось на 36 %. Свыше 80 % самоубийств приходится на мужчин. Причем лишь 20 % из них уходят из жизни в пенсионном возрасте. А в целом количество самоубийств среди мужчин в России в 3—4 раза больше, чем в Японии и США². Среди молодежи призывного возраста за последние пять лет увеличилось число наркоманов и токсикоманов более чем в шесть раз, алкоголиков — в три раза³.

Так что эксперименты над живым «человеческим материалом» продолжают-ся, вот только «материала» становится все меньше и меньше.

Проводимые исследования по расчету гипотетической численности населения России в XX в. и сопоставление их с фактическими показателями дают удручающую и трагическую картину. Конечно, различные специалисты приводят разные оценки. Но колеблются они от самой осторожной (принадлежащей А. Г. Вишневскому), по которой совокупные демографические потери составляют 121,3 млн человек к 1995 г.⁴, до 320 млн человек. Даже если тяготеть к минимальным оценкам, то на каждого живущего ныне россиянина (а их около 148 млн) приходится одна тень человека, который был бы нашим сверстником. По моим оценкам, в границах нынешней России к началу XX в. проживало 5,9 % населения мира, сейчас — 2,4 % жителей планеты.

Такова людоедская цена политическим амбициям деятелей, возглавлявших Россию на протяжении последнего столетия, неоднократно повторявших, что их цель — величие страны, благоденствие ее граждан. Могут возразить, что не всех своих граждан убивали, гноили в тюрьмах, изгоняли из страны, морили голодом российские власти. Были и нашествия иностранных держав. На это ответчу: существует множество исторических свидетельств, что разумная дипломатия российской правящей элиты могла предотвратить обрушившиеся на страну войны и, уж во всяком случае, обеспечить принципиально лучшую готовность России к военным действиям, лучшую координацию с союзниками.

С молодых ногтей нам объясняли, что политика и нравственность — несовместимые понятия, что политика — грязное дело, что ее нельзя делать в белых перчатках и т. д. Однако безнравственность российских политиков имеет существенные особенности, связанные вообще со спецификой власти на Руси.

Наблюдая политическую жизнь любой страны, можно различить два направления деятельности людей, решивших пойти по политической стезе. С одной стороны, это сфера взаимоотношений со своими конкурентами, а с другой — с избирателями. Нечистоплотные приемы в борьбе с соперниками хорошо известны во всем мире из политической истории и литературы: это заведомое искажение программы конкурента, сбор и выброс компромата, в том числе касающегося его частной жизни, засылка осведомителей в предвыборные штабы противника или их

---

¹ См.: Там же. С. 94—95.

² Аргументы и факты. 1997. № 889. Октябрь. С. 24.

³ Там же.

⁴ См.: Демографический потенциал России... С. 17.

подкуп, прослушивание телефонных разговоров и прочее и прочее. Строго говоря, эта возня весьма мало волнует население и составляет внутренний закулисный мир политических интриганов. Что касается политической безнравственности по отношению к избирателям, то она проявляется главным образом в безудержной политической демагогии, особенно в периоды предвыборных кампаний. Поток обещаний обрушивается на граждан страны. Многие из них несбыточны, о чем хорошо знает претендент на выборный пост. Но обещания эти обязательно должны выглядеть правдоподобными, а методы их реализации находиться исключительно в рамках правового поля. Большинство потенциальных избирателей привыкли к этим играм, делают соответствующую корректировку политических заявлений и по большей части скептически относятся к предвыборному ажиотажу.

В целом нечистоплотность политической жизни в странах с развитой демократией не несет в себе какого-либо взрывоопасного для общественного развития заряда. И главная причина этому, конечно, — структура власти, строгое ограничение властных полномочий любого избираемого лица, любого чиновника. Однако думаю, что здесь есть и другое. Это воспитание определенных нравственных начал у людей, решивших идти в политику, во властные структуры, возглавить крупные социальные группировки, а если повезет, то и страну. Интересы народа, интересы страны для них превыше всего, интересы именно конкретного народа, который состоит из конкретных граждан. Поэтому надо вызволять каждого гражданина страны, попавшего в беду, в плен; поэтому надо сделать все, чтобы минимизировать людские потери при военных конфликтах, стихийных бедствиях.

Своеобразная этика политики сродни спортивной этике. Например, настоящий спортсмен-футболист может ударить противника по ногам, симулировать травму, забить гол рукой и сказать, что «это рука Бога» (Марадона), но он никогда не позволит себе играть вполсилы за любимый клуб, за национальную сборную страны. Здесь он сделает все для победы.

Президент США Никсон мог дать добро на прослушивание телефонных разговоров своих конкурентов по предвыборной кампании (Уотергейтское дело), но он никогда не позволил бы задерживать зарплату офицерам американской армии. Вот здесь как раз водораздел между мерой безнравственности западного и российского политика.

Тип российского политика предполагает равнодушие к народу, взгляд на граждан как на подчиненных. В России политик, пришедший к власти, видит себя в качестве первого чиновника — этакий столоничальник земли русской. И сразу начинает заниматься реорганизацией «вверенного ему учреждения». Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно...

Для власть имущих в России народ превращается в абстрактную массу. Дистанцироваться от нее как можно быстрее — интуитивная потребность наших политиков. Желательно порвать даже личные контакты со средой, из которой он всплыл на поверхность политической жизни — таково неперемное условие «развязанности рук». Нормальное состояние российских политиков — это когда они могут с чувством глубокого удовлетворения процитировать строку из Осипа Мандельштама: «Мы живем, под собою не чуя страны». В таком политическом мире ответственность зачастую трактуется как слабость, а реформаторский авантюризм возводится в доблесть.

Вот, в сущности, почему двадцатый реформаторский век в России стал таким человеколюбивым.

Важной особенностью социальных и политических экспериментов в России явилось то, что они имели в своей основе экономический стержень. Дважды российские реформаторы покушались на экономические основы жизни общества, на святая святых организации всей хозяйственной жизни — собственность.

Сначала полному разрушению подвергся институт частной собственности. Тотальное обобществление средств производства буквально перевернуло правовую основу государства, идеологию, социальную и индивидуальную систему ценностей. С точки зрения поставленных целей коммунистическими реформаторами была одержана блестящая и сокрушительная для общества победа. Другое дело, что в основе этих целей лежали утопические экономические идеи.

Спустя 75 лет общественная собственность подверглась не менее тотальной атаке. Теперь уже приватизировать предполагается все, включая уникальные месторождения, морские порты, аэропорты, магистральные трубопроводы, железные дороги, общенациональные информационные системы. Второй за сто лет экономический переворот вновь потряс политическую систему страны, изменил социальный статус десятков миллионов людей, нанес мощный удар по производственному потенциалу.

Оба экономических переворота отнюдь не осчастливили население. Не потому, что их творцы этого не хотели, а потому что творцы эти проявили полное незнание сущности экономических взаимодействий внутри общественных систем, имели весьма поверхностное представление о внутренних (и ни при каких условиях неотменимых) силах, организующих экономические процессы и обеспечивающих их эффективность.

В представляемой читателю работе сделана попытка обсудить эти силы и процессы. Но речь не только об этом. Человек не может заниматься 24 часа в сутки научными исследованиями. Он живет среди людей, думающих чаще не об основах социально-экономического развития (что, кстати, совершенно правильно), а о текущих коллизиях в политике, экономике, культуре.

Книга писалась так, как я живу. А живу я в научных и политических дискуссиях, познал и работу чиновника, был бит властями, но не до крови. Это ни в коем случае не означает, что перед читателями мемуары (хотя есть отдельные зарисовки интерьеров высшей власти, с которой жизнь угораздила соприкоснуться). Скорее всего это все-таки научный трактат, попытку дать объективный диагноз состояния страны. Вообще для меня как для человека, относящего себя к научному миру, нет ничего интереснее диагностики. Практикующему врачу, политику, предпринимателю, банкиру подавай рецепты для лечения недугов. Рецептов много — диагностика хромает.

Эта книга никак не для сквозного чтения. В ней есть чисто научные разделы, вкрапления общефилософских размышлений, исследования текущих проблем экономической политики, которые перерастают в хронические, не чужд автор и политической публицистики. Такова, может быть, к сожалению, а может, к счастью, жизнь ученого. В башне из слоновой кости никак нынче не отсидеться, но и без серьезной науки существование опускается на уровень парнокопытных.

Глава 1

Экономика как кибернетическая система

Лауреат Нобелевской премии Макс Планк, основатель квантовой физики, однажды скромно заметил, что он начинал свою деятельность как экономист, но затем оставил эту профессию, потому что она слишком трудна. Когда об этом рассказали пионеру современной математической логики Бертрану Расселу, он ответил: «Это странно. Я бросил экономическую теорию из-за того, что она слишком проста!»

Пол Самуэльсон

Если читатель пожелает почерпнуть из этого раздела элементарные сведения о механизме функционирования рынка, о кривых спроса и предложения (или кривой Филлипса), конкуренции, олигополии и монополии, функции денег и банков, то автор сразу его разочарует. О рынке от Милля и Смита до Хайека и Самуэльсона написано столько томов научной, учебной и популярной литературы, что повторяться было бы столь же скучно, сколь и бессмысленно. Здесь любопытен другой момент.

Во всем море изысканий о рынке и по поводу рыночных отношений мы не найдем четкого ответа на, казалось бы, простой вопрос: а зачем нужен рынок, в чем причина именно рыночной организации экономической жизни? Перелопатив тысячи страниц экономической литературы, вы узнаете много полезного и бесполезного о том, чем отличается свободный рынок от несвободного или от тоталитарной экономики (т. е. нерынка), на вас обрушатся потоки исторических подробностей о том, как возникали товарно-денежные отношения в первобытном обществе, Древнем Риме и еще более древнем Китае. Но вы не найдете ответа на вопрос: рынок — прихоть развития цивилизации или объективная необходимость ее существования? Конечно, в литературе либерального толка мы обнаружим указания на связь рынка в экономике с демократической традицией в обществе. Однако на другом полюсе нас встретят рассуждения на тему неэффективности демократических, а следовательно, рыночных институтов.

У сторонников рынка как единственного способа организации функционирования экономической жизнедеятельности и противников этой точки зрения есть одна общая черта: и те и другие воспринимают рынок как данность, априорно заложенную в развитие цивилизации. И дальше задача исследователя в зависимости от его идеологической ангажированности заключалась лишь в том, чтобы собрать комплект аргументов, доказывающих либо преимущества рынка, его эффективность и способность нести благосостояние людям, либо, наоборот, историческую ограниченность рынка, несовместимость конкуренции с принципами социальной справедливости.

Итак, никто не задался вопросом, но даже если и задался, то увлекся другими, оставив этот без ответа: рынок ограничен для этой цивилизации (как, например, двуполость) или необязателен (как, например, цвет кожи)?! Отсутствие четко аргументированного ответа на этот вопрос привело к возникновению полярных отношений к рынку, его концептуальной основе.

Если рынок — историческая случайность или промежуточная форма экономических отношений, то его можно и нужно трансформировать в более эффективные механизмы управления. Можно создать альтернативу рынку, например, плановую экономику (военную, директивную, тоталитарную и т. д.). Но если это не так, если то, что называется рынком, есть одна из систем (может быть, главная) обеспечения функционирования и вообще существования общества, или, говоря более высокопарно, цивилизации, именно той цивилизации, которой мы, к сожалению, а может быть, к счастью, принадлежим?

Формально альтернатива — план или рынок — может быть сформулирована именно в такой жесткой постановке. Однако в реальной действительности господствуют компромиссы. Экстремисты — это, как правило, провинциалы из очень глухой глубинки. Чем ближе к границам — государственным, национально-этническим, тем выше уровень коммуникабельности, тем естественнее тип мышления, основанный на компромиссе. В процессах познания, научного творчества и практической реализации накопленного знания заложены те же, если хотите, бытовые закономерности. Действительно, а почему либо рыночная, либо тоталитарная система организации экономической жизни? Может быть, это будет коктейль, компенсирующий жесткость рынка и водянистую размазанность, экономическую инфантильность социальных гарантий?

Все эти вопросы не только правомерны с научной точки зрения, но и актуальны в политическом смысле (причем в любой политической системе и на любых этапах ее развития). К сожалению, философская и экономическая литература со времен своего возникновения дает в основном эмпирическую трактовку этих проблем. Полезен рынок или нет? Вот центр притяжения или, если хотите, ось вращения экономической мысли конца девятнадцатого и всего двадцатого века. Убого? Да! Но главное — бесплодно в научном и практическом аспектах.

Надо понять, что рынок — это некий специфический механизм функционирования кибернетической системы. Если экономика подпадает под это определение, является таковой системой, то рынок органически присущ этой системе. И нельзя произвольно его изъять, ограничить или расширить рамки его воздействия на организацию экономической жизни. Последняя сама поставит рамки